

Костёр

ИЮЛЬ

1961

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Журнал для пионеров
приказом Совета Всесоюзной
пионерской организации
им. В. И. Ленина
№ 1000 от 15.05.1961 г.

В ЭТОМ НОМЕРЕ РАССКАЗЫ, НОВЕЛЛЫ, СКАЗКИ

«ПОСЛЕ ПОГОНИ» Л. Семина,
«КРИКИ С БЕРЕГА» Е. Криш-
жановской, «ТИХИЙ ОМУТ»
В. Козлова, «ПРАВДА — НЕ-
ПРАВДА», «ЛЕСНАЯ ШКОЛА»
А. Ливеровского

ОЧЕРКИ

«КОГДА Я ПОКИНУ ШКОЛЬ-
НЫЙ ГОРОД...», «ДРУЗЬЯ И
ВРАГИ УРОЖАЯ» А. Воронкова,
«ДОРОГА ПРОВЕРИТ ВСЕ»
А. Пурцеладзе, «ТАХКУНСКИЙ
МАЯК» Л. Алешиной, «МАРС И
ЕГО ЗАГАДКИ», «СЛОВО
О ПИОНЕРАХ-ГЕРОЯХ»,
«ЗАРЯЖАЙ ЗМЕЮ»

СТИХИ

«ВОЗЬМЕМСЯ КРЕПКО ЗА
РУКИ, ДРУЗЬЯ» Кудрата Хик-
мата, «РАДУГА» В. Товаркова,
«АРБУЗ» Б. Копалыгина, «СКВО-
РЕЦ» Г. Шахновича, «ДЕЛЕЖ-
КА» А. Крестинского

ОКНО СЕМИЛЕТКИ

МОРСКАЯ ИГРА

НЕСКУЧАЙНИК

ЮНЫМ УМЕЛЬЦАМ

Зовёт горнист на общий сбор,
Нам пропустить нельзя его —
Идёт борьба за лучший двор,
В котором мы — хозяева!

На обложке рисунок В. Звонцова

На 2-й стр. обложки фото
И. Квятковского

На титуле рисунок Ю. Лобачева

ВОЗЬМЕМСЯ КРЕПКО ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ!

Кудрат Хикмат

В пути ручей сливается с ручьем,
Они вдвоем—и зной им нипочем!
Один ручей—ты расплеснешь рукой,
Сто ручейков—становятся рекой,
Из тысяч рек рождаются моря,
Привольно разливаются моря,
И вот шумит могучий океан!
... Есть на земле немало разных
 стран.

Рисунок М. Беломлинского

Когда один народ идет вперед—
В пути другому руку подает.
И знает каждый честный человек:
В единстве—сила, как в слиянии рек.
Возьмитесь крепче за руки, друзья!
Цепь наших рук врагу порвать нельзя.
Дадим отпор зачинщикам войны,
Народам мира войны не нужны!

Перевод с узбекского Зои Тумановой

КОГДА Я ПОКИНУ ШКОЛЬНЫЙ ГОРОД...

То, что ты прочтешь дальше, написали твои сверстники.

Один отвечал на вопрос учителя.

Другой посылал письмо в газету.

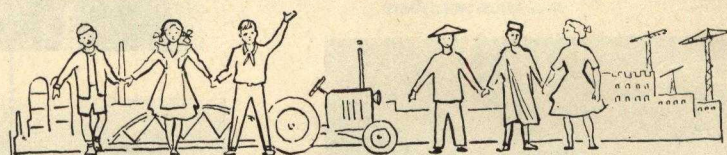
Третий трудился над сочинением на свободную тему.

А мы собрали все вместе — из газет, из школьных тетрадок, из конвертов с адресом «Ленин-

град, «Костер» — прочитали и подумали: неплохо бы познакомиться кое с чем и тебе.

Тем более, что в анкете «Пионерской книги» есть такой вопрос:

О ЧЕМ ТЫ МЕЧТАЕШЬ? КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ БЫТЬ? ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СВОЕЙ МЕЧТЫ?

Много ребят на земном шаре. Под любыми широтами девочки любят собирать цветы и играть в куклы, а мальчики не прочь вместо уроков погонять в футбол.

Но не только в этом они похожи.
Вот посмотри:

«Я куплю себе железные и электротехнические детали и буду строить машины. В кузнице я буду обрабатывать раскаленное железо и выучусь всему, что должен знать слесарь, кузнец и монтер».

«Я стану трактористом и начну пахать землю. Я вспашу все окрестные поля».

«А я — парикмахером. Буду стричь волосы, подстригать слишком длинные бороды».

«Я очень люблю работать с металлом и, когда вырасту, пойду работать на завод».

«Я хотела бы быть крановщицей на башенном кране».

Первым говорил мальчик немец, за ним — французы, последними подружки-ленинградки. Если бы мы этого не знали точно, мы и сами не смогли бы разобраться, какое письмо — чье.

А теперь — внимание!

«Я бы поехал на охоту с папой. Но папа говорит, что я еще мал и мне не дадут охотничьего билета. Вот поэтому я и не могу осуществить свою мечту».

«Я дошла до третьего класса начальной школы и должна была бросить учебу, потому что у меня не было ни книг, ни тетрадей, ни даже башмаков, чтобы выйти на улицу. Моя мечта — продолжать учиться».

У НАС И У НИХ

**Буду, как Гагарин! —
Купите, господин!
(Центральная Саха-
ра). — Мирной ве-
сной. — „Есть ли ору-
жие?“ (Южная Ко-
рея). — Пятерка! —
Вместо школы...**

Видите? Неодинаковые заботы у двух маленьких людей на разных концах планеты. Один грустит, что пока не вырос, другую — жизнь до срока сделала взрослой...

«Моя мечта — стать геологом. Я поступлю в Горный институт. Открою новые месторождения нефти, угля, железной руды. Пойду в лесные дебри разыскивать золото и серебро. Пойду в высокие горы разыскивать хороший гранит, красивый мрамор, малахит...»

«Я работаю, таская на голой спине камни, гипс, воду, и часто подвергаюсь опасности, так как помогаю каменщику, работающему там, где грозит обвал. Шахта имеет глубину около 600 метров... Мои желания вот такие: получить от областного правительства свои 100 000 лир, которые мне задолжали...»

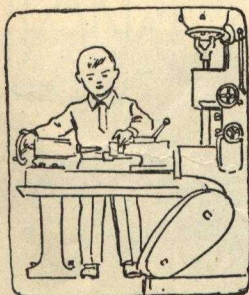

Но и это еще не самое страшное.

«Моя мечта такая: хорошо окончить школу, чтобы не остаться ни разу на второй год. Потом поступить в техническое училище и приобрести специальность токаря. Отлично работать на благо своей Родины».

«К чему корпеть над уроками? Ведь все равно известно, что первые ученики в классе всегда последние в жизни. Это всегда говорит мой отец... Я хочу заниматься коммерцией, заключать много сделок и зарабатывать без особого труда много денег».

Сей будущий неаполитанский миллионер на рисунке справа чуть не под стол пешком ходит. Может быть, он даже не начал торговать своими школьными завтраками. Но взрослые уже постарались, чтобы он усвоил их точку зрения: труд — наказание.

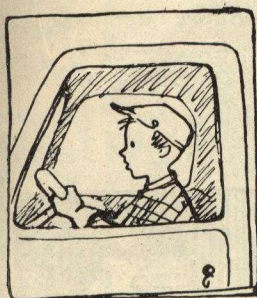
«Я хочу стать шофером, чтобы работать на грузовой машине «ЗИЛ-164». Я возил бы кирпич для жилых домов. Сперва я пошел бы на курсы шоферов, а потом бы меня направили в грузовой автопарк № 1, где работает мой отец. Мне очень нравится эта профессия!»

«Я заведу себе шезлонги и аппараты с электрическим мозгом. Робот с управлением должен будет все для меня делать. На деревьях, которые я посажу, должны расти разные продукты и сласти. Затем я сложу сахарные горы. В своем доме я ежедневно буду купаться в кофе».

У НАС И У НИХ

Чемпионка. — Идут бить негров (США, куклукс-клан). — Нелегко!.. — „Тебя, господи, славят“. — Первая деталь. — Опять без крова.

Две мечты, одинаково заветных: одна — о рулевой баранке, другая — о кофейных реках с сахарными берегами.

Простим юного лентяя из Брауншвейга. Возможно, он и не такой уж плохой парень. Но что делать, если все вокруг только и твердят ему: «Главное — хапнуть побольше!»

Еще мечтатели. Одни живут в Ленинграде, другой — в африканском государстве Камерун. Все поставили перед собой твердую жизненную цель. Все искренни и обстоятельны.

«... Мечтаю работать в Антарктиде».

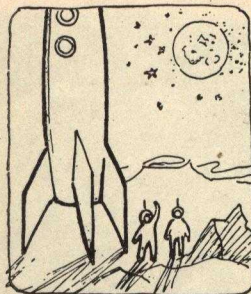
«... Моя мечта — стать инженером и воздвигать атомные электростанции».

«... Быть кораблестроителем. Строить новые корабли и пароходы».

«... Хочу стать летчиком, чтобы за Полярным кругом перевозить экспедиции зимовщиков».

«... Пусть полет на Марс задержится на двенадцать лет. За это время я успею закончить школу и институт и тогда полечу на Марс. Буду там вести научные работы».

«У меня будут коровы, овцы, козы. Землю я не стану обрабатывать, а за молоко от своих коров всегда получу миску проса. Если раз в месяц резать козу или овцу, у меня всегда будет хорошая похлебка. Одежда тоже будет стоить мне недорого. Я продам на базаре шестилетнего быка и куплю хороший костюм. Мои сыновья будут пасти овец, дочь — коз, а я сам — коров. Конечно, придется немало потерпеть от ливней и ветров, но вкусное парное молоко прогонит воспоминание о них. Когда я состарюсь, я найму себе пастухов, а сам буду отдыхать в тени, лежа на циновке, а рядом будет стоять кружка кофе. Односельчане будут говорить: «У Буба больше ста голов скота, он один из самых богатых!»»

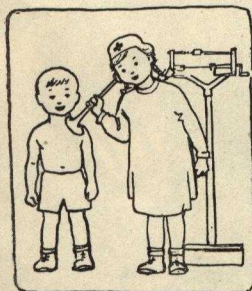

Разве Буба из Камеруна повинен в том, что так бескрыла его мечта? Страшен мир, где путеводной звездой становится миска похлебки, где громилы с книжных обложек, сыщики с киноэкранов долбят человечку, едва начавшему жить: «Наплюй на других! Спасай свою шкуру! Человек человеку — волк!»

«Я хочу работать доктором. Я буду лечить детей от заразных болезней».

«Я пойду в развалины, весь запачкаюсь и не буду никого слушать. Я буду отнимать у других детей самокаты. Если они не будут их отдавать, я заброшу их песком. У маленьких детей я отниму машины и изломаю их».

Слева — письмо советской школьницы. Справа — школьника из Западной Германии.

Если его не остановить, он и впрямь через пару лет станет фашистом.

«... Собирают разные травяные лекарства, чтобы не было разных болезней и люди жили все время».

«... Больше всего люблю играть с пистолетом. Я достану себе настоящий пистолет, буду сражаться с другими, застрелю их и повешу».

Два мира. Две мечты. И нечего больше прибавить.
Впрочем, — есть что.

«Мое желание, чтобы никогда не было войны».

«Я хочу, чтобы небо всегда было чисто от атомных бомб».

«Война и капитализм — это и твой, и мой, и наш общий враг. Мир строит, война разрушает».

«Я бы построила много школ для детей, живущих на земле. Чтобы не было бедных и богатых и все люди были друзьями».

Пишет девочка с Сахалина, школьник из Чикаго, пишут твои сверстники москвичи, минчане, целиноградцы.

Пишет маленький кубинец из Школьного городка Камило Сьенфуэгос:

«Когда я покину Школьный город, мне хочется быть человеком, который полезен Революции».

Леонид Семин

Рисунки Н. Кустова

НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ

Лес был редкий. Кустарник вырублен, а нижние ветви сосен давно высохли и отвалились. Спрятаться негде.

Беглец оступился и хромал. Он прижимал ладонь к груди — острое колотье не проходило. Надо было немного отдохнуть. Остановился. Однако скоро послышался отдаленный лай. Овчарки уже шли по следу...

Весть о новом побеге разлетелась теперь во все стороны. Вначале сообщают в соседние полицейские участки. Потом дают знать в ближайšie районы. И везде разбуженные звонками, сонные, злые люди в синеватых мундирах записывают его имя, фамилию, возраст, приметы. «Андрей Косцов. Пятнадцать лет. На правой руке нет двух пальцев...»

Далекий лай донесся снова. Андрей бросился под уклон. Порывистый ветер ударил ему в лицо запахом воды. Лес скоро кончился. Путь преградила широкая река. Дунай. Прошлым летом они ездили сюда за песком. Один раз им даже разрешили искупаться.

В рedeющих сумерках волны казались серыми. Они шумно накатывались на пустынный берег. Метрах в десяти от песчаной косы покачивалась баржа. «Нефтянка!» — удивился Андрей. Вот на таком же суденышке он и родился. Это было где-то на Оке...

Возле нефтеналивной баржи маневрировал пароходик. На баке суетились два матроса.

Припав к земле, Андрей раздумывал, что делать дальше. Пароход готовился подцепить баржу. «Подплыть, ухватиться за якорную цепь и держаться, пока сил хватит». Если матросы не заметят, может быть, река спасет его от погони...

Андрей внимательно осмотрелся. Неподалеку берег рассекал овражек. Хоть и неглубокий, но к воде, наверное, можно спуститься по дну незамеченным. А там — быстрое течение само подхватит и донесет его до черной кормы нефтянки.

Он осторожно пополз по жесткой прибрежной траве...

До воды оставалось каких-нибудь двадцать метров, когда Андрей увидел, как туго натянулся стальной трос между пароходом и баржей. Матросы все еще стояли на баке. Андрей понял: сейчас нефтянка двинется. Он поднялся, и пригибаясь, побежал по вязкому песчаному берегу. В воду кинулся бесшумно — головой вперед, плотно прижав к бедрам руки. Вынырнул уже недалеко от кормы. Вода за нею сделалась вдруг гладкая, точно зеркало. «Пошла баржа!»

Отчаянно работая руками, тяжело дыша, он все же успел нагнать ее и ухватиться за якорную цепь. В голове кружилось, сердце колотилось бешено, одежда прилипла к телу, словно ее приклеили. Вода под ним кипела. Поглядывая наверх, на высокий, окрашенный в черное железный борт, Андрей боялся теперь одного: вдруг его увидят. Чутко прислушивался он к шагам на палубе. Но шум воды, раздавливаемой огромным железным брюхом судна, все заглушал. Вода металась, с силой вырывалась снизу, подбрасывая его тело, как ветер швыряет легкое перышко.

От овражка уже отошли с полкилометра. Охранников и собак пока не было. Сумерки редели. Край неба быстро светлел.

Андрей начал медленно подниматься по цепи. Скоро взойдет солнце, беглеца непременно увидят с берега. Хорошо бы спрятаться где-нибудь на палубе. Бывало, на «Рузе», на той нефтянке, на которой он ходил с отцом в рейсы, стояли бочки, ящики и даже контейнеры. Когда на «Рузу» приезжали его сверстники, иной раз затевалась игра в прятки...

Укрыться, переждать час-другой, а потом спуститься в воду и доплыть до берега. За два часа баржа уйдет от лагеря километров на пятьдесят, а то и больше. Она плы-

ЖЕЛЕЗНЫЙ КАБЛУК

Сколько времени проспал Андрей в мягкой ветоши, он не знал. Проснувшись, долго прислушивался к шагам на палубе, к разговорам. Очень скоро научился отличать мягкую поступь Макса от стука кованого каблука друго-

вет по течению. Течение на Дунае быстрое.

Повиснув на цепи, Андрей не сразу решил высунуться. Долго и напряженно прислушивался. Разговор доносился откуда-то издали. Может быть, из каюты. Не будут же матросы без дела торчать на баке. Он выглянул. На палубе никого. Быстро перевалился на железный настил, Андрей оказался возле большого крашеного ящика. Заглянул в него — ящик был доверху наполнен брикетами угля. Взгляд Андрея остановился на круглом люке. На «Рузе» такой люк вел в кормовой трюм. А здесь? Не раздумывая, он откинул массивную крышку и юркнул вниз. Ноги ощутили лестницу. Андрей быстро спустился, морщась от боли в ушибленной ноге. Споткнулся о что-то. Потрогал рукой. На дне трюма лежал просмоленный канат. Пахло керосином, машинным маслом и еще чем-то... Над головой гулко застучали шаги. По железной палубе звонко цокал кованый каблук. Андрей метнулся в глубь отсека. Шаги наверху замерли. Железный люк с шумом закрылся. Серая полоска света, падавшая сверху, словно слабый луч далекого прожектора, погасла. Кромешная темнота окружила беглеца.

— Алло, Макс! — крикнул тот, что закрыл люк. — Почему ты...

Говорили по-немецки, и дальнейшее Андрейка не понял. Кажется, матрос спрашивал, почему мокрая палуба. Должно быть, вода натекла с одежды Андрея.

Макс, голос которого доносился издалека, что-то ответил.

Железный каблук снова зацокал, удаляясь с кормы.

Если бы беглец понимал по-немецки, он не был бы уверен, что поднялся на баржу никем не замеченный. Тогда, может быть, он уловил бы какую-то связь между собой и словами неведомого ему Макса, который сказал, будто он вымыл швабру и забыл закрыть люк.

Ничего этого Андрей не понял, и тревога его постепенно улеглась. Он нащупал в углу кучу пропахшего керосином тряпья и устало опустил на него.

го матроса, которого мысленно называл Железным Каблуком. Тишина в трюме и тьма снова клонили ко сну. Постепенно посторонних звуков там, наверху, не стало. Ни разговоров, ни шагов. Ничего. Андрей подумал, что день

кончился. Наверное, наступил вечер, а скорее всего — ночь. Сколько километров прошла баржа?.. Он разворошил свое гнездо, влез поглубже, закрылся тряпьем с головой. Если этот хлам не понадобится команде баржи, никто не обнаружит присутствия беглеца.

Андрей считал, что ему повезло. Сколько раз вырывались ребята из проклятого лагеря, и все попытки кончались неудачей. Самый дерзкий побег совершил Валерий. Он ездил на машине за известью на завод и выпрыгнул на

Лагерь этот особый, штрафной. В него отправляют всех, кто заподозрен в каком-нибудь деле, направленном против «великого рейха». Самым старшим в этом лагере — по пятнадцать лет. На всех одинаковая одежда — черные куртки и брюки, сшитые из «чертовой кожи». На груди белые доскутки с надписью: «Ост». Это значит — восточный. То есть, рабочий с востока, — раб.

Андрей пробыл в штрафном шесть месяцев. Его, как и положено, били, морили голодом,

ходу, когда автомобиль мчался через лес. Шofer стрелял в него из пистолета, приказывая вернуться. Но Валерий ушел. Тогда была вызвана целая рота солдат из воинской части, расположенной поблизости. Солдаты прочесали лес, но беглеца не нашли. Только на третий день его поймали. Оказалось, сбившись с пути, Валерий прошел за три дня девяносто километров. Бежал он на восток, потом повернул на север и, не замечая этого, сделал огромный круг, опять приблизился к лагерю, но уже с западной стороны... Его увезли ночью. Больше никто ничего не знал о нем.

Теперь, конечно, все население лагеря с тревогой следило, удастся ли уйти от погони Андрею. Теперь там считали часы, сутки, прислушивались к разговорам охранников.

заставляли работать с утра до вечера. На заводе автоматической пилой ему отрезало два пальца. Раны еще не зажили как следует. Ткнет нечаянно — и снова кровь. Три года скитается он по чужой стране, из лагеря в лагерь, из тюрьмы в тюрьму. Как будто не так уж и долго. Но кажутся они, эти годы — вечностью...

Закрыв глаза, уставшие от темноты, он опять вспомнил тот день, когда потерял отца. Гитлеровцы быстро подходили к Оке. В одном из затонов скопилось много барж. Надо срочно увести их от наступающего врага. «Ты, Андрей, поезжай, братец, домой, — говорил отец. — Отсюда километров триста. Далековато. Ну да ничего. Парень ты боевой, глядишь, не растеряешься, доберешься». «Я с тобой поеду, —

стал проситься Андрей. — Возьми, пап, понадоблюсь. Баржи поведем...» Не соглашался отец, да спорить было некогда. Пришлось взять сына на пароход. Когда вошли в затон, налетели фашистские самолеты. Началась бомбежка. Андрея ссадили на берег, и он укрылся в противотанковом рву. Видел, как тонула баржа, зарывшись носом в воду. Видел, как загорелся пароход, на котором находился его отец. Но вот что было дальше — не знал. Все заволочли клубы черного дыма. Ушел ли пароход и остался жив отец или его захватили фашисты? Тщетно пытался двенадцатилетний Андрей выбраться из затона, куда внезапно ворвались немецкие мотоциклисты. Его задержали и вместе со многими людьми загнали в здание школы. Потом начались этапы. Все дальше на запад, в немецкий тыл гнали немцы людей. Однажды Андрея втолкнули в товарный вагон и вместе с другими, такими же, как он, детьми увезли в Германию. Горько плакал и тосковал он в первые дни неволи. Все думал об отце, о матери и сестренке. Но постепенно мысли о доме, о родителях все чаще вытесняли другие: как убежать из лагеря, пройти через чужую страну, добраться до фронта, к своим. Думали об этом все ребята...

Однажды в лагере Андрей нашел комсомольский значок. Показал его товарищам. «Береги, это Валеркин значок. Должно быть, выронил, когда его били. Может, не хотел отдать фашистам, нарочно бросил, чтоб кто-нибудь из своих подобрал...» — говорили ребята, рассматривая значок и бережно передавая его из рук в руки...

Андрей засунул руку за пазуху, нащупал значок, привинченный к подкладке куртки. Так, незаметно, он и заснул... Ему приснилось, будто сидит он с отцом на корме нефтянки

«Рузы», держит в руках «дорожку». Отец рассказывает, как в годы гражданской войны довелось ему бить Деникина. Любил отец, когда бывал свободен от вахты, ловить на «дорожку» шальных шук и рассказывать о своем прошлом... Они опустили ноги в воду, держат натянутые шныри. Вода теплая. «Руза» до самого киля сидит в ней. Все ее отсеки доверху залиты нефтью. Крутые берега нависают над баржей. В воздухе носятся ласточки-береговушки. Этих маленьких черных птичек с белым брюшком так много, что некоторые чуть не задевают Андрея своими крылышками... Вдруг борт нефтянки начинает дрожать, раздается тихое скрежетание, словно он трется о гигантский наждак... «Эй, на вахте!» — кричит шкипер дядя Федя, которого в шутку прозвали Водолеем. Наверное, от слова «водоливы». Но он почему-то в военной форме, с автоматом. «Э-э, да это никак Андрюха Косцов?.. Глядите, — зовет он солдат. — Сын нашего Василия Косцова объявился...» Никакой баржи «Рузы» и ласточек-береговушек нет. Повсюду блиндажи, окопы, солдаты в касках. «И где ж это ты дрейфовал? Где тебя, какими реками-морями носило, ерш ты сопливый!.. Батька душу надорвал, мать слезами иссохла, все тебя ищут...» Андрей показывает шкиперу комсомольский значок, рассказывает, как бежал из неволи. «Настоящий ты человек. Я знал — Косцовы все такие...»

В это время над самым ухом Андрея опять что-то заскрежетало. Он открыл глаза. Кромешная тьма окружала его. Борт баржи о что-то терся, скрежетал. Где-то там, наверху, посыпалась немецкая брань.

«Стоянка», — в испуге подумал Андрей. По палубе бежал матрос, гулко цокала по железу подкова. «Это «Железный Каблук», — догадался беглец и зарылся глубже.

БАРЖА ИДЕТ К ФРОНТУ

Загремела в клюзах цепь, тяжелый якорь бултыхнулся в воду. Процокал Железный Каблук. Загудел протяжно пароход. Что-то тяжелое упало на палубу.

— Начать погрузку! — зычно крикнули немцы.

Команда хорошо знакома Андрею. За два года слова эти, казалось, просверлили ему голову.

— Осторожно, черт бы вас побрал! Идиоты!..

По палубе загремели какие-то предметы. Кажется, бочки. Но что это?.. Андрей даже привстал от неожиданности и волнения. Он услы-

шал... А, впрочем, может быть, ему померещилось?.. Нет! Русские!..

— Орет...

«Орет» — это было сказано по-русски.

Андрей уже стоял возле лесенки, затаив дыхание. По-прежнему гремели перекачиваемые бочки, слышалась беготня, разговор немцев.

— Лос, лос, сакрамент! — поторапливал кто-то работающих. Слова эти тоже, будь они неладны, на всю жизнь застряли в голове Андрея.

И снова — тихий русский голос:

— Крепко он тебя стукнул?

Андрей едва сдержался, чтобы не закричать. Говорили прямо над ним. Даже было слышно тяжелое дыхание работавших.

— Придет и мой черед... Я его не так стукну. Не встанет!..

— Лос, лос, ферфлюхтен!

О, это ругательство Андрей узнал еще в первый день неволи.

И опять русские слова:

— Бензин качают. Чистый. Авиационный. К фронту баржа-то идет.

— На дно бы ее, — вздохнул собеседник. — А в этих бочках что-то тяжелое. Непохоже, что селедка...

От волнения Андрей часто дышал. «Баржа

идет к фронту! Ее отсеки заполняют авиационным бензином!..»

Разговаривавшие принимали подкатываемые бочки и с трудом ставили «на попа». Вот они умолкли. И тотчас послышалось знакомое цоканье.

— Плотнее ставьте! — крикнул Железный Каблук. — Не понимаете? Швайне!..

— Чего он пристаёт? Гляди, значок свастики носит, подлюга...

— Работать, работать! — заорал Железный Каблук. И добавил уже по-русски: — Бистро, бистро!..

Цоканье железной подковы удалилось. «Ушел».

И вдруг Андрей подумал: баржу надо уничтожить! Во что бы то ни стало! Она везет авиационный бензин. Для стервятников. Для таких, какие бомбили тогда затон. Какие бомбы эшелоны, госпитали, блиндажи... Он прислушивался к характерным звукам качающихся бензин кингстонов.

Русские перестали разговаривать. Но они работали здесь, над самой его головой. Один из них хрипло дышал и часто останавливался.

Сам того не замечая, забыв об опасности, Андрей поднялся по железной лесенке и теперь стоял, упершись головой в крышку люка. Отчетливо было слышно каждое движение невольников. «Кто они? Солдаты, попавшие в плен, или гражданские, такие же как сам он, угнанные на каторгу? Как уничтожить баржу?.. Взорвать?.. Но у него даже спичек нет...»

— Лос, лос, саубер хунден!..

«Железный Каблук называет их собаками. Это его голос...»

— Дорого бы я отдал, чтобы этот тип со свастикой захлебнулся бензином, — опять заметил русский.

«Надо спросить у них спички...»

От напряжения лицо Андрея покрылось мелкими капельками пота. Он решительно надавил на массивную крышку люка. Она открылась, и тогда Андрей увидел прямо перед собой ноги в рваных сапогах.

— Дяденька, — тихо позвал Андрей. — Бросьте мне спички...

Ноги резко передвинулись.

— Я свой, дяденька... Дайте спички...

Андрей приподнял крышку чуть выше. Множество бочек стояло возле люка. Пленный солдат в заплятанной гимнастерке, остролицый и бледный, широко открытыми глазами удивленно смотрел на беглеца.

— Кто ты?

— Свой я... Из лагеря убежал.

— Совсем мальчишка... — прошептал пленный. — Ах ты, горе луковое, — засуетился он было, но другой торопливо приказал: — Закрывай, закрывай скорей. Идут!..

Андрей попытался, крышка опустилась, легла на свое место.

— Лос, швайне!

Немцы стали пересчитывать бочки.

— Сорок две!.. Еще восемь надо. А ну, быстро, еще восемь!

Снова загремели по палубе бочки. Немцы ушли.

— Слушай, парень, — тихо позвал пленный. — Спичек-то ни у кого нет, а вот зажигалку дадим. Приоткрой-ка чуток...

Андрей подпер головой крышку люка. Тотчас возле щели появилась маленькая металлическая коробочка — бензиновая зажигалка.

— Сколько отсюда до фронта? — зашептал Андрей.

— Наши уже в Румынии. Держись, друг. Харчей у тебя, поди-ка, нет вовсе. Голодаешь... А туда дён семь, должно быть, ходу... — Неожиданно нога наступила на люк. Андрей понял: опасность. Он спустился в трюм. Слезы навернулись у него на глазах. Как он был рад своим!..

— Фертиг! — закричал часовой с пристани. — Раус! Аллес, раус!..

Погрузка закончилась. Пленным приказывали покинуть баржу.

— Слушай, слушай... На Дунае в Румынии партизаны действуют. А тут — Австрия. Потом Венгрия начнется. Румыния далеко еще. А про партизан знаем точно. Один немец нам рассказал...

— Эй, сакраментен, русен швайне! — остервенело заорал с берега охранник. — Раус!..

— Слышишь, парень! На этой барке в задних отсеках машинное масло. А бензин в средних отсеках... Ну, прощай, будь осторожен...

Андрей опустил зажигалку за пазуху, зарылся в тряпье. От запаха керосина, которым провонял весь трюм, его тошнило. Может быть, тошнило от голода. Широко раскрывая рот, он боролся с подступающей к горлу тошнотой и думал об одном: скорей бы тронулась в путь нефтянка. Он будет держаться, пока хватит терпения, пока голод не выгонит его из этой пловучей камеры. Подождет баржу и прыгнет в Дунай, доберется до берега.

Мерно работали кингстоны. Слышалась немецкая речь. Железный Каблук ругал Макса. Наверное, Макс у него подчиненный.

«Авиационный бензин и машинное масло... Бензин и масло... — мысленно твердил Андрей. — До Румынии неделя ходу. Там партизаны...»

Андрей даже всхлипнул, вспомнив участливые слова солдата: «Харчей, поди, у тебя нет вовсе...» Не себя было жалко. Солдат этих — оборванных, измученных.

КАКИЕ ВЫБАЮТ НЕМЦЫ

Снова загремела в клюзах выбираемая якорная цепь. Продолжительный гудок возвестил об отходе в далекий рейс. Теперь Анд-

рей знал маршрут нефтянки. Был бы в отсеке иллюминатор, можно наблюдать, как тянутся мимо чужие берега, плывут незнакомые

селения, в которых живут всякие люди — и хорошие, и плохие. Хороших доводилось встречать редко. В каменном карьере работал «мастер» Курт — низкорослый немец, никогда не расстававшийся со своей трубкой. На его лице — мелком и морщинистом, иногда теплилась усталая улыбка. Сощуренные глаза смотрели на Андрея также спокойно и приветливо, как, бывало, смотрели глаза шкипера Водолея. Иной раз, подойдя к Андрею, Курт быстро вынимал из кармана тощий пакетик и ронял его, будто нечаянно. Андрей уже знал, что завернуто в газету: два тончайших ломтика хлеба, склеенных маргарином. Курт поспешно отходил и боязливо оглядывался, не наблюдает ли кто из рабочих, когда Андрей жадно управлялся с бутербродом...

Еще вспомнился Андрею немец с шахты. Он был средних лет, полный, румяный, с длинными усами. В кармане у него всегда лежал перочинный ножик и бутерброд. В обеденный перерыв усач пристраивался где-нибудь в закутке, и, вынув бутерброд и ножик, начинал странное занятие: в одной руке держал ломтик хлеба, в другой ножик, отрезал крохотные дольки и кидал в рот. В отличие от других, обедал он долго, пока не кончался перерыв, хотя хлеба у него было не больше, чем у остальных. Наверное, усач нарочно ел так медленно. Хотел продлить удовольствие. Ребята посматривали на него со злобой. Он раздражал голодных. Сидит, потихоньку режет дольки, кидает в рот и жует.

Но вскоре мнение об этом человеке изменилось. Подозвал он как-то одного паренька и, осмотревшись, что поблизости никого из немцев нет, сказал: «Гитлер капут». Затем изрезал весь свой бутерброд на мелкие дольки, завернул в бумагу, словно крошево для голубей, и отдал мальчишкам. После этого он часто приносил вареный картофель, раздавал его ребятам и непременно называл какой-нибудь советский город. Это означало: советские войска освободили его. «Наши побьют Гитлера», — говорили ребята. «Наши?» Вас ист наши?» — спросил однажды немец. Ему растолковали. С того дня он стал говорить: «Наши Гитлер капут». Но когда кто-то произнес: «Гитлер капут, дейч капут», — усач вдруг очень рассердился. Нахмурия густые брови, побагровев, он затопал ногами: «Гитлер капут!.. Дейч нихт капут!»

Вспоминая потом усатого шахтера и Курта, Андрей убеждался, что в этой стране хорошие люди есть, но они боятся друг друга, боятся гестапо.

В штрафном лагере добрых немцев он не встречал. Все они были там злые, за малей-

ший пустяк били. Таких туда, наверное, подбирают.

...Баржа все дальше увозила его от лагеря. Он слышал шум воды за железным бортом, гул парохода, голоса матросов.

Андрей уже отчетливо представлял себе Железного Каблука с его свастикой на груди. А вот Макса представить не мог. Наверное, это тихий и безобидный старичок. Походка у него мягкая, спокойная. Должно быть, обувью носит на резиновом ходу. Голос негромкий. Макс все больше казался Андрею чем-то похожим на «мастера» Курта...

Прошло часа два, как отошла баржа от пристани. Андрей вылез из своего убежища, достал бензиновую зажигалку и, нащупав пальцем зубчатое колесико в створке металлической коробочки, резко нажал на него. Колесико повернулось, щелкнул кремль, выскочила крохотная искорка и сразу погасла. Андрей опять нажал на колесико. Искорка опять вылетела. Но огонек почему-то не зажигался. Тогда Андрей уселся поудобнее и, прижав большой палец к зубчикам, крутанул как можно резче. Кремль щелкнул, но искры совсем не было. Андрей испугался. Вдруг зажигалка не действует?.. Он поднялся и стоя в темноте, ощупав металлическую коробочку, убедился, что все делает правильно — такие зажигалки ему уже доводилось иметь. Потряс ее, помял фитилек и снова щелкнул колесиком. К его радости вспыхнул маленький язычок пламени. Этого язычка достаточно, чтобы устроить огромный пожар. Андрей полюбовался дрожащим огоньком и придавил его пальцами...

Мысленно представилась картина пожара. Вот ярко горит корма. Пламя бьет из люка, освещая в ночи реку и берега. Баржа вдруг вздымается, и сильный взрыв потрясает окрестности. Горящий бензин и масло плывут по воде. И кажется, что горит сама река. Течение несет пылающий поток на пароход. Экипаж буксира в панике. А он, Андрей, прячется в прибрежном лесу, наблюдая за громадным ночным факелом. Потом много дней идет на восток. Переходит линию фронта и рассказывает своим, как взорвал баржу, как, искаженная, тонула она в Дунае... Эх, пока это лишь мечта. Почти сказка. Что-то еще ждет его впереди?..

Андрея мутит от голода, нестерпимо мучает жажда. Язык совсем одеревенел. Он жесткий, горько-соленый, как сухая вобла. Теперь бы глоток воды!.. Нет, не дотянуть до фронта. Словно острые зубья пилы рвут что-то в желудке. По рассказам взрослых и по книгам помнит Андрей, что человек может прожить

без пищи несколько дней — лишь бы вода была... Он опустился на колени и, дрожащий от слабости, принялся шупать железное днище. Отыскал шов и круглую толстую заклепку на нем. Облизнул сухие губы. Пробить бы крохотную дырочку в этом днище! Хлынул бы фонтанчик. Напился бы Андрей вдоволь...

Внезапно над его головой раздался гул. Железный Каблук подошел к люку, открыл массивную крышку. Андрей метнулся в угол отсека, замер. Тяжелая крышка с шумом захлопнулась.

ЗАПЕРТ В ТРЮМЕ

В эту ночь Андрей не мог заснуть. Лежал в полузабытьи, расслабленный, больной. Свинцовой тяжестью налилась и ныла поврежденная нога. Невыносимо томила жажда. Едва он начинал засыпать, как тут же мерещилась вода — прохладная и сладковатая... Забывшись, Андрей застонал и сразу очнулся от своего же стога. Испугался. Тревожно прислушался. Однако наверху было тихо. Наверное, все крепко спали. Только где-то впереди неустанно хлопал плицами колес старый пароход, и нутно гудела машина. На вахте, должно быть, поживаясь от ночной прохлады, стоял капитан, всматриваясь в зажженные белые и красные бакены... Хотелось Андрею дыхнуть свежим воздухом, увидеть небо. Угнетала тяжелая палуба над головой. Он приподнялся, вылез из тряпья... Если баржа сидит низко, ему ничего не стоит хлебнуть воды, не спускаясь по якорной цепи. Невозможно дольше терпеть. Выползти из трюма на минутку, хлебнуть воды и вернуться. Ночью никто не увидит...

Он осторожно поднимался по лесенке, с трудом подтягивая затекшую ногу. Одна, две, три ступени. Еще одна. С пятой он уже достанет головой до крышки люка. Вот она — пятая. Андрей вытянул шею и — уперся в тяжелую крышку. Постоял минутку, прислушиваясь, потом подпер крышку. Она не подалась. Нажал сильнее. Стало больно голове. Он уперся еще сильнее, боясь, в то же время, как бы крышка не откинулась с шумом... Но тщетно. Массивная круглая железяка не поднималась. И тогда он вдруг понял, зачем приходил Железный Каблук. Ужас охватил все его суще-

ство. Все в нем, казалось, похолодело. Пропала жажда, боль в ноге, острые колики в желудке. Понял: он заперт! Широко открытыми глазами смотрел в темноту наверх. Кто знает, когда люк откроют. Может быть, не откроют до самого места назначения. Может быть, сюда сунутся через неделю или через месяц...

Тяжело дыша, медленно опустился, присел на ступеньке. В голове кружилось и стучало. Он заперт в железной коробке. Трюм превратился в пловучую тюрьму. В тюрьме, где нет ни крошки хлеба, ни глотка воды... Андрей сидел, потом вдруг вскочил и со всей силой нажал на крышку. И показалось, не он уперся в крышку, а железо давит его. В бессилии отступил, судорожно схватился руками за голову. Лоб был мокрый от пота, по лицу стекали капли, точно его только что облили водой. Он

дышал, как загнанный. Что же теперь? Кричать? Стучать кулаками?..

Спустился вниз, прислонясь к стене, попытался поразмыслить спокойно. Если стучать... прибегут матросы, откроют люк и поднимут тревогу. Его схватят. Свяжут. И будет он валяться, может быть, тут же, в кормовом трюме, ожидая, когда придет полиция. Потом его отправят обратно в штрафной лагерь. А там?.. Лучше не думать об этом.

Попался нелепо. Никто больше не отважится бежать из штрафного, когда узнают, что пойман Андрей Косцов... Падут ребята духом. Смирятся со своей судьбой... Никогда не узнают отец и мать, как погиб их сын Андрей. Никогда...

Он опустился на ворох тряпья. Но тут же встал и опять поднялся по лестнице. Надо посмотреть на люк при свете. Может быть, удастся открыть изнутри. Надо только посмотреть при свете... Достал зажигалку, шелкнул колесиком. Прыгнула искорка и спряталась в темноте. Он еще раз повернул зубчатку. Опять выбилась искорка. Но почему не зажигается фитиль?.. Опасаясь сломать зажигалку, Андрей стал ощупывать крышку руками, но никаких зазоров или отверстий на ней не было.

— Пропал я... — прошептал Андрей. — Пропал...

ПОМОЩЬ ИЛИ ЛОВУШКА

Андрей лежал лицом вниз, уткнувшись в вонючее тряпье, и плакал. Он ругал себя, называл трусом. И не слышал, как открылся люк. Поднял лицо только тогда, когда чьи-то ноги уже нащупывали ступеньки. Вскочил, шарахнулся в сторону, в дальний угол отсека. Прижавшись спиной к железной холодной стене, в страхе смотрел в ту сторону, где спустился по лесенке матрос. Кажется, матрос держал что-то металлическое, потому что два глухо звякнуло. Внезапно зажегся электрический фонарик, луч пробежал по трюму, ослепил Андрея. Он зажмурился, втянув голову в плечи. Когда открыл глаза, опять было темно. Матрос уже поднимался вверх, ступая осторожно, словно боясь споткнуться или упасть. Но вот свет опять прыгнул из его рук и на миг задержался на ведерке, оставленном под лестницей. Через минуту люк мягко, бесшумно закрылся. Так же тихо, как пришел, матрос исчез.

Андрей все еще стоял в углу, втянув голову в плечи. Потом он распрямился. Первой мыслью было: видел его матрос или нет? Ведь луч фонаря осветил его лицо. Неужели немец не обратил внимания? Зачем он приходил, что

Ему стало очень страшно. Начал бить озноб. Зубы выстукивали дробь. Волосы на голове намокли, одежда прилипла к телу, словно он выкупался. «Пропал...» — протяжно прогудел пароход. Ему отозвался другой, встречный. Гудок у того басовитый. «Пропал...» Андрей принялся ожесточенно шелкать кремнем, стараясь высечь огонек. Но не было горячего. Фитилек высох. Андрей еще не знал этого. Шелкал и шелкал. А в мыслях было одно: «Пропал...» Наконец понял: зажигалка неисправна. Огня не будет. Не подожжет он баржу и не сгорит вместе с нею. Умрет, как зверек, попавший в капкан... Андрей лег на живот и пополз по трюму, ощупывая каждый сантиметр дна, все закоулки этой плавучей пещеры. А вдруг где-то что-то... Но что? Другой люк? Запасная дверь? На «Рузе» этого не было. Не может быть и здесь... Он это понимал, но все равно ползал и шарил руками, находил швы, тяжелые головки заклепок...

После долгих блужданий в потемках он пополз к тряпью и, отшвырнув зажигалку, заплакал. Он так надеялся в последние минуты на эту металлическую коробочку. Она придавала ему силы, вселяла надежду. Лучше сгореть вместе с баржей, чем медленно умирать или сдать фашистам. Но зажигалка стала ненужной безделушкой...

ему здесь потребовалось?.. Наверняка это был Макс. Его Андрей знает по походке. Оставил ли Макс люк открытым или снова запер?..

Он осторожно двинулся к лесенке. Через пять минут уже стоял у ведра, трогая его руками. Хотел подвинуть, оно оказалось тяжелым. Андрей сунул в ведро руку и тотчас отдернул, словно обжегся. Не поверил себе. Померещилось, что ли?.. Приблизил лицо к ведерку. Пахло водой. Припав губами, отпил глоток. Вода! Холодная и сладковатая... Такая, как снилась. Может быть, это все еще сон?.. Пусть сон. Все равно... Он жадно пил и пил. Прохлада расходилась по телу. Расслабленное тело становилось пружинистым.

Немец оставил ведро с водой. Наверное, он моет в нем швабру? Но почему приходил ночью?.. Или, может быть, он на вахте?..

Тысячи вопросов сверлили его, и ни на один не было ответа. Андрей осторожно поднялся вверх, дотронулся головой до тяжелой крышки, нажал на нее. Подалась. Чуть не вскрикнул от радости. Он свободен. Люк не заперт!..

Но что если матрос нарочно оставил его открытым? Спрятался за ящиком или бочками и ждет, когда Андрей вылезет из трюма?..

Однако уже через минуту эта мысль показалась нелепой. Зачем матрос будет прятаться? Он мог схватить его прямо в трюме...

Приподняв крышку, Андрей увидел кусок звездного неба. На бортах парохода висели разноцветные фонари. В рулевой рубке горел слабый свет. Рядом с нефтянкой, борт о борт, шла другая такая же баржа. Сбуксированы они парой. Значит, загружены неполностью. Грузные так не ходят... В звездах за кормой мельтешила вода, похожая на лужу пролитого олова. Прыгнуть в это олово и доплыть к берегу. В темноте не увидят...

Андрей силился рассмотреть берег. Но ничего не было видно, кроме блестящей цепочки

огней. Должно быть, проходили мимо деревни.

Еще пятнадцать минут назад он считал себя пропавшим. Теперь здравый рассудок подсказывал не уходить с баржи. Терпеть и плыть к фронту. Это самый надежный путь. На берегу могут встретиться тысячи непредвиденных препятствий. А здесь только терпеть. В ведре еще есть вода. Может быть, Макс не скоро явится за ведром. Имея воду, Андрей поборется с голодом. Люк, конечно, они закрывать не будут. Наверное, Железный Каблук запер его случайно. Да и что в этом трюме? Ворох старых тряпок, канат да швабра?..

Послышались шаги. Андрей мгновенно опустил крышку. Она слегка хлопнула. Макс, — да, это его походка, — остановился. Кажется, потрогал крышку. И снова ушел.

Андрей спустился вниз и тотчас наступил на что-то мягкое. Нашел в темноте, поднял, поднес к лицу. В нос раздражающе пахнуло хлебом. Поднес ближе... В голове закружилось! Хлеб!.. Самый настоящий хлеб!..

Он жадно принялся жевать. Лагерные порции обычно проглатывал моментально. Этот же кусок был порядочный, пока жевал — заныли скулы.

Наконец, справившись с хлебом, напился воды и сел на ветошь. Начинали одолевать тяжелые мысли. Зачем Макс оставил в трюме хлеб? Неужели для него, Андрея?.. Чепуха. Никто не знает о его присутствии на барже. Знали — подняли бы шум!..

Вода, хлеб, ночь, осторожные движения немца... Все-все было непонятно и тревожило. Может быть, здесь какая-то ловушка? А может, Макс просто уронил хлеб? Краюшка солидная, а карман, наверное, маленький. Вот и выпала. Обнаружит потерю, вернется...

Андрей тер виски, не понимая, что происходит. Зачем было Максиму относить ведро с водой в трюм? Отец, бывало, мыл швабру на палубе... Вопросы наваливались и наваливались. Спohватившись, Андрей вдруг поднялся по лестнице, толкнул крышку и вздрогнул: заперта. Испуганно отпрянул. Вдруг все понял! Чуть не взвыл от страшной догадки. «Дурак, дурак!.. Тебя поймали и держат, чтоб не сдох с голоду. Хотят живьем сдать полиции. И воду, и хлеб подсунули...»

И все же постепенно он успокоился. Надежда, как крохотный огонек в беспросветной ночи, вспыхнула в нем. Вдруг этот немец такой же, как «майстер» Курт или усатый шахтер? Что если Макс даже лучше их?..

Окончание следует

ОКНО СЕМИ- ЛЕТКИ

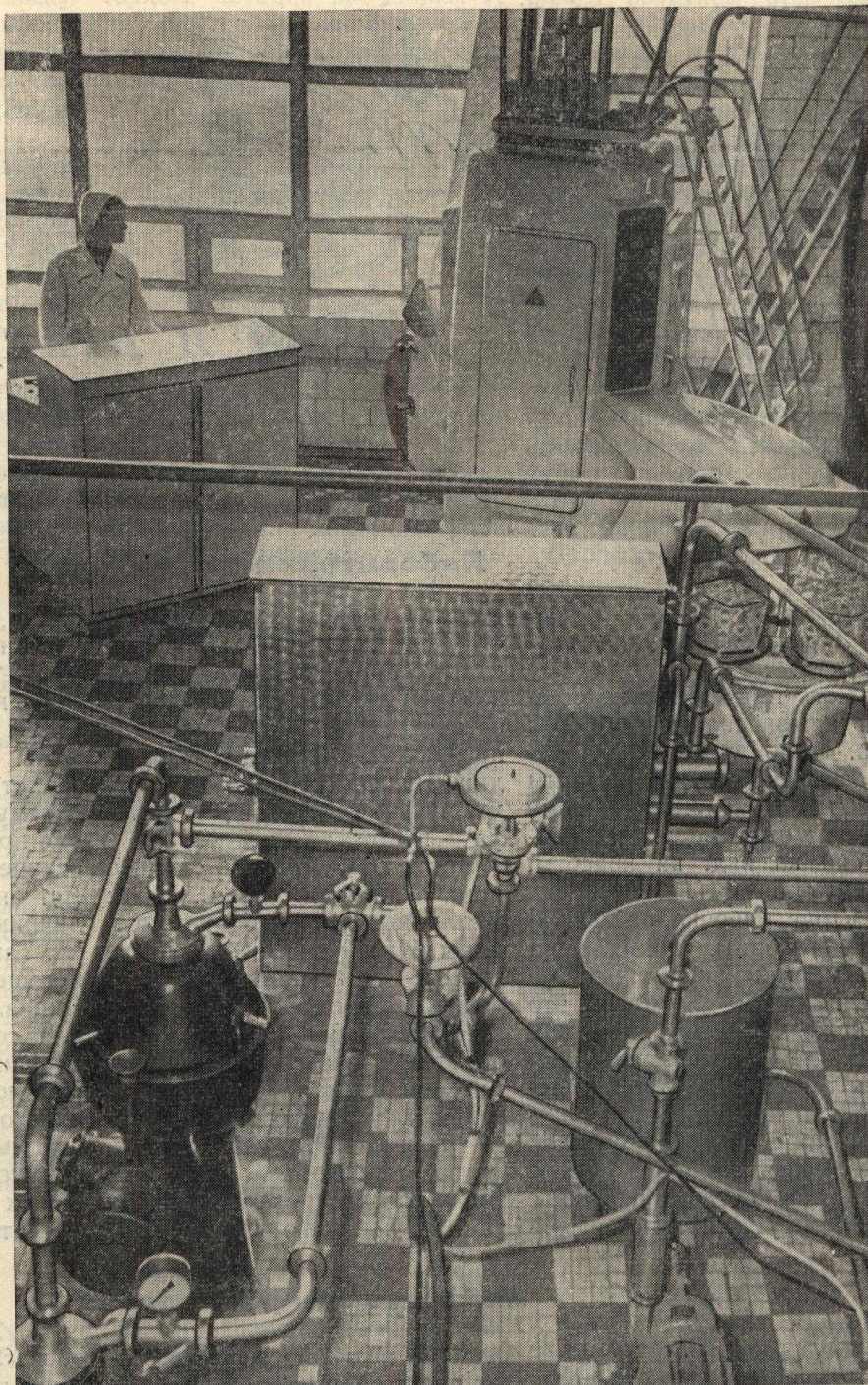
**БУДЕТ МНОГО
ТАКИХ ЗАВОДОВ**

Этот снимок сделан в цехе молочного завода-автомата, построенного в Ленинградской области.

Рано утром к заводу подъезжают совхозные машины. Цистерны, наполненные молоком, «разгружаются» необычным способом. Шофер подводит машину к приемной рампе, выходит из кабинки, надевает белый халат и открывает дверцу, за которой хранится шланг. Приемный шланг опускают в люк цистерны, и в этот миг на щите пульта управления вспыхивает зеленый огонек. Сигнал! Инженер-оператор включает насос легким поворотом рычажка. По закрытым трубам молоко льется из цистерны в автоматическую систему. Кислотомер следит, чтобы на завод поступало только свежее молоко. Если молоко не годится, кислотомер отключает насос.

...От одного аппарата к другому тянется хитросплетение труб. Все нити сложного оборудования связаны с пультом управления.

Восемь минут — и молоко перелито. Об этом сообщила машина-счетчик. Оператору остается записать в квитанцию точную цифру.

Не все молоко идет на переработку в город, пастеризованное молоко в пакетах расходуется по магазинам. Расфасовочный агрегат завода автоматически изготавливает бумажные пакеты, наполняет их молоком и укладывает в корзинки. По конвейерной ленте корзинки движутся на склад.

На новом молочном заводе-автомате, сконструированном советскими инженерами, распоряжается всего один человек.

Фото Б. Уткина

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ УРОЖАЯ

Лаборатория биометода

Научный сотрудник Валентина Алексеевна Шапиро рассказывает:

— Есть такая бабочка с серыми крылышками — зерновая совка. Было время, когда летала эта бабочка по степным просторам Казахстана, никому до нее не было дела. Невзрачная она на вид: ни красоты, ни пользы.

И вдруг бабочка заставила о себе говорить, подняла на ноги многих ученых, целые экспедиции. А случилось это несколько лет назад, когда советские люди перепахали миллионы гектаров целины, посеяли по ней пшеницу.

Десятки миллионов бабочек переселились на новое сытное житье — на посевы пшеницы. Кормятся тут и потомство раз-

водят. Оно-то и есть самый настоящий вредитель. Пробретется гусеница бабочки внутрь зерна и давай точить, пока не останется от него тоненькая прозрачная оболочка. Поглядишь на такое зерно — снаружи цело, невредимо, а внутри — пустота, пыль.

Вот и подсчитай, во сколько нам обойдется серая совка: миллионы пудов отборной пшеницы будет уничтожено. А это значит — мы меньше построим домов, заводов, тракторов, электростанций... Надо поскорее расправиться с этим вредителем. Но как?

Почти у каждого насекомого-вредителя есть свой враг, — другое насекомое. Оно, как тень, преследует вредителя, летает за ним «по пятам». Мы

знали, что есть такой враг и у зерновой совки. И нашли его. Это — менискус агнатус, он отыскивает гусеницу совки, чтобы внутрь ее отложить свое яйцо. Гусеница растет, и яйцо растет, ничем не мешая пока своему хозяину. А вот когда оно превратится в личинку, гусенице совки туго придется. Ест она ест, а все не впрок — личинка высасывает все ее соки. Так и погибает гусеница от истощения, паразит-насекомое сожрал ее заживо. Паразит для совки, а для нас — друг, лучший помощник. Хорошо бы размножить таких полезных насекомых в лаборатории да побольше. Мы так и делаем, размножаем паразитов-насекомых для защиты полей от вредителей.

Институт микробиологии

Рассказывает старший научный сотрудник Вера Николаевна Былинкина:

Постороннему посетителю в нашей лаборатории многое показалось бы загадочным. На стеллажах — обилие пробирок, колб, бутылок. В них — питательные растворы, а живых

существ не видно, хотя известно, что в лаборатории изучают жизнь живых существ.

Вы догадались, конечно, в чем дело? Речь идет о микробах-невидимках.

Живут в колбах и склянках почвенные микробы. Это наши «любимцы». Мы их заботливо

оберегаем: ведь чем больше в почве таких микробов, тем она плодороднее, урожайнее.

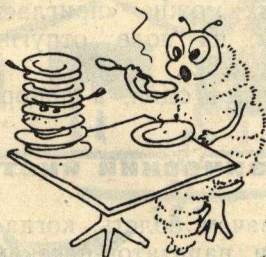
Между микробами в почве идет постоянная борьба за пищу. Миллионы невидимок трудятся в почве. Они готовы ко всяким неожиданностям. Если «чужие» микробы позарятся

на их пищу, «хозяева» выпускают ядовитые химические вещества, создают «химическую» зону. Пришельцам становится ясно, что их черед не настал...

Когда органические вещества начнут разлагаться, на смену одним невидимкам придут другие. Они доведут дело до конца — превратят перегной в простые минеральные соединения. А это уже — питание для растений.

Для чего ученые так упорно интересуются жизнью невидимок в почве? Для того, чтобы помочь растениям. На севере — весна поздняя. В холодной почве микробы развиваются слабо и не могут дать доста-

точного питания растениям. И как раз в такой момент, когда только бы им набираться сил, идти в рост.

Опыты мы проводили над почвой, богатой микроорганизмами. Сначала извлекли из нее перегной, умертвили в нем го-

рячим воздухом всех микробов, а взамен поселили самых полезных, выносливых, уже проверенных нами в лаборатории. Затем перегной смешали с песком и поставили в термостат — специальную утепленную комнату. Невидимки стали быстро размножаться. Теперь им пора и в путешествие. Только еще не на поле, а на торфоперерабатывающий завод. Здесь микробы смешивают с торфом, дают им возможность еще быстрее развиваться. Через двадцать дней удобрение готово! Его можно возить на поля. Ничего, что почва не совсем прогрелась, уже развившиеся микробы сразу примутся за свою работу.

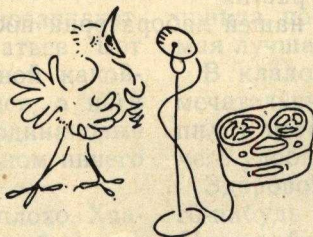
Институт защиты растений

Старший научный сотрудник лаборатории биофизики Борис Константинович Мартенс рассказывает:

— Если бы меня спросили, какое насекомое я больше всего не люблю, без запинки ответил бы: долгоносика. Тоже самое скажет и любой наш сотрудник. Это, наверно, потому, что этот самый долгоносик доставляет нам много хлопот.

Это маленькое, с булавочную голову, насекомое. А съесть может миллионы пудов хлеба! Как видите, дорогой на хлебник. Избавиться от него надо, да поскорее. Вот этим мы и занимаемся в нашей лаборатории.

ский аппарат. Но на этом сходство и кончается. Наша пушка стреляет особыми снарядами — гамма-лучами, возникающими при распаде кобальта. Но так как они опасны и

для человека, то пушку спрятали за толстые бетонные стены.

Зараженное долгоносиком зерно ученые насыпали в особые прозрачные баночки, закрыли их крышками, подставили под гамма-лучи. Не думайте, что долгоносик заметил какую-то опасность: он продолжал аппетитно пожирать зерно. А в это время лучи делали свое дело.

И вот облученные зерна снова в нашей лаборатории. Мы

проверяем самочувствие долгоносика. Если бы долгоносик мог говорить, он бы, наверно, пожаловался, что у него пропал аппетит, не хочется двигаться...

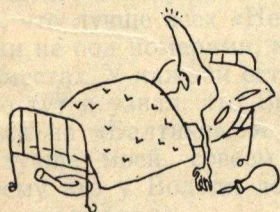
— Не будут же каждого долгоносика уничтожать гамма-пушкой? — спросите вы. В том-то и дело, что каждого обстреляем, до каждого доберемся. Сохраним миллионы пудов зерна родине.

Не думайте, что гамма-лучи несут только смерть. Все зависит от дозы. Семена, облученные в меру, лучше прорастают в почве, выносливее.

Есть в лаборатории два прибора, которые можно назвать

глазами и ушами ученого. Сконструирован аппарат с очень чувствительным микро-

Есть у нас замечательный прибор — гамма-пушка. Внешне она напоминает рентгенов-

фоном. Неуловимые человеческим ухом звуки он усиливает в миллион раз. Прибор позволяет узнать, как развивается личинка того же долгоносика.

Или другой пример. Оказывается, птицы тоже имеют свой язык. Они могут призывать к себе, отпугивать... Если запи-

сать птичий голос на магнитофон, а потом повторить его, то произойдет удивительное. Пугливые птицы вдруг станут послушными. В нужный момент их можно «пригласить» в парк, на поле, отпугивать вредителей...

Институт один, а лаборато-

рий столько, что за день все и не обойдешь. И у каждого научного сотрудника одна забота — защитить поля, зеленые растения от вредителей — насекомых. В одном случае людям помогают приборы, совершенные аппараты, а в другом — их заменили...

Агрофизический институт

Профессор Борис Сергеевич Мошков рассказывает:

На своем электроогороде мы выращиваем сейчас без почвы, без солнечного света овощи, фрукты, цветы. Почву заменяет пористое вещество, «удобренное» питательным раствором. А солнце — специальные газовые лампы.

Немало перебрали разных электроламп за эти годы научные сотрудники, прежде чем нашли нужные — газовые: неоновые, ртутные, ксеноновые. Под их светом растения быстрее растут, созревают плоды. Словно произошло чудо: растения плодоносят шесть раз в году, никогда не болеют...

Да и зачем болеть, когда вокруг ни паразитов-насекомых, ни вредных микробов. Даже

сорняки не мешают на электроогороде, — они там не будут расти.

В нашей лаборатории поста-

влен мировой рекорд скорости и урожайности.

Вспомните наши бескрайние северные просторы, где царствует вечная мерзлота. Даже теплицу в таких местах не всегда построишь: слишком дорого обойдется. Зато легкий электроогород свободно разместится в любом жилом доме полярника, жителя крайнего севера. Это уже не мечта. Сейчас конструкторы агрофизического института создали эскиз проекта такого электроогорода — фабрики овощей. Совсем скоро начнется ее строительство.

Вероятно, даже в космической ракете можно будет развести такой электроогород.

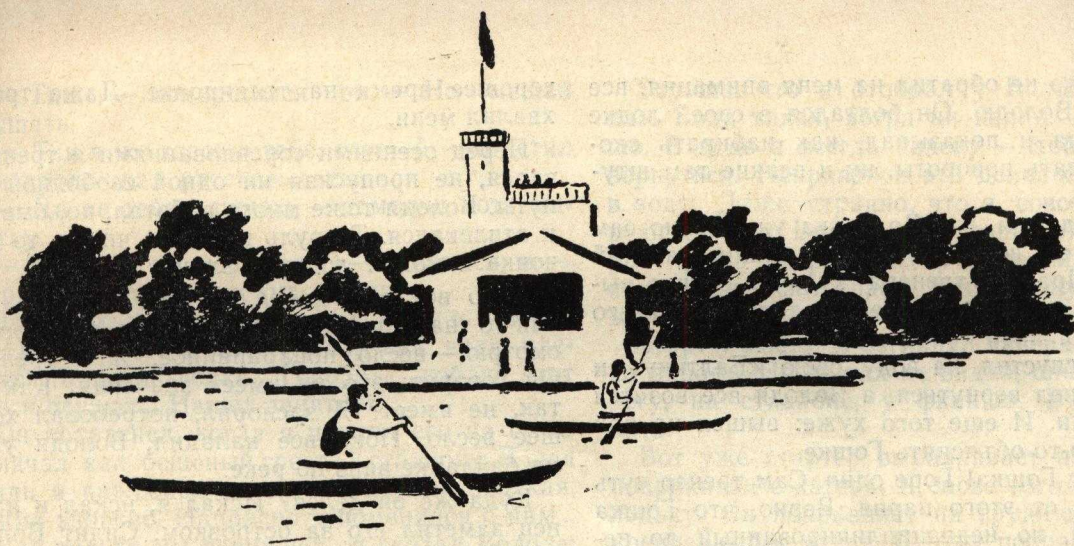
А. Воронков

РАДУГА

В. Товарков

Теплый дождик лил и лил
На простор лугов.
Он ромашки отбелил
В синьке васильков.
А потом над головой
Радуга взошла.
И над ширью луговой
Семь цветов зажгла.

Каждый луговой цветок
В буйном росте сил
Яркой краски с ноготок
У нее просил.
Раздала богатства все
Радуга-дуга
И сошла во всей красе
С неба на луга!

Крики с берега

Е. Кришжановская

Рисунки Г. Праксейна

Мы с Володей совсем одинаковые. И почему так все вышло, не понимаю...

Познакомились мы весной на стадионе, когда оба поступали в гребную секцию. А на медосмотре выяснилось, что мы одинаковые. Рост у нас один и тот же, до одного сантиметра. И вес. У меня только на сто граммов больше. Оба мы сильные, и доктор сказал, что здоровье у нас отличное, каждый позавидует.

Кто-то даже принял нас за братьев. Вот тут я возмутился. Володька смешной какой-то, рыжеватый, нос кверху задрался, а ноги длинющие, как у цапли. Нет уж, одинаковые у нас только рост и вес. А в остальном ничего похожего.

Спортивные дела у нас пошли неплохо. Хвататься не буду, скажу только, что было на самом деле. Мы с Володей первыми из нашей группы получили право тренироваться на одинокке.

Я долго выбирал байдарку и наконец решил, что лучше всех «Нептун». У нас в клубе лодки не под номерами, как это бывает в других местах. У каждой есть свое название.

Но тут я узнал, что Володя будет тренироваться на «Балтике». Я посмотрел — байдарка лучше моей, совсем новенькая, блеснит. Почему это у Володи должна быть хорошая, а у меня плохая?

— Знаешь, Володя, — говорю ему, — я уже давно присматривался к «Балтике», хотел ее взять. Если тебе все равно, поменяемся? Я отдам тебе «Нептун».

— Мечтал взять? Что же ты так долго раскачивался? — спросил Володя и потер кулаком подбородок.

Я только вздохнул, как можно грустнее, и потрогал корму Володиной байдарки.

— Ладно, Коля, бери. Раз мечтал всю жизнь, — сказал он.

Ну и пускай смеется, а лодка-то моя. И правда, почему это у Володи должна быть самая лучшая байдарка?

В кладовую нашего стадиона привезли замечательные костюмы. Я сразу побежал и купил, а потом в раздевалке стал примерять. До чего удобный! Нигде не жмет, не тянет.

Здорово! Я в этом костюме похож на какого-нибудь чемпиона. В раздевалке никого нет. Надо пойти, показаться ребятам.

А почему никого нет в раздевалке? Я посмотрел на часы — опоздал! Каждый раз мы начинаем занятия с общей подготовки: бег, прыжки, метание снарядов. Не скажу, что мне все это нравится, но я ни разу не пропустил, знаю, как полезна такая разминка перед тренировкой.

Я вышел из раздевалки в плохом настроении. Но все оказалось не так страшно. На реке наших лодок было еще мало, ребята толклись возле эллинга. И я успел как следует размяться, сделать хорошую пробежку вокруг футбольного поля.

Пока шел на водную базу, я все любовался цветом своего нового костюма. На солнце он ярко-синий. Ребятам понравится.

Но никто не обратил на меня внимания, все слушали Володю. Он болтался в своей лодке возле бона и показывал, как набирать скорость, делать повороты, ну и всякие там штуки.

А я-то думал, что Володька уже давно сам тренируется вовсю. Часы-то наших занятий уходят. Правда, тренера куда-то срочно вызвали, но ребята могли его подождать, ничего страшного.

Я уже спустил на воду свою «Балтику», и тренер успел вернуться, а Володя все возится с ребятами. И еще того хуже: вышел на бон и стал что-то объяснять Гошке.

Уж этот Гошка! Горе одно. Сам тренер чуть не плачет от этого парня. Верно, что Гошка способный, но недисциплинированный до невозможности. И вечно шута из себя корчит. Противно смотреть.

И зачем Володька с ним возится, не понимаю. Вообще Володя и не глупый, кажется, а ничего не соображает. Ведь на соревнованиях честь нашего клуба придется защищать мне и Володе, а не Гошке.

Но в общем этим днем я остался доволен. Во-первых — костюм, а главное — я показал

хорошее время на тренировке. Даже тренер хвалил меня.

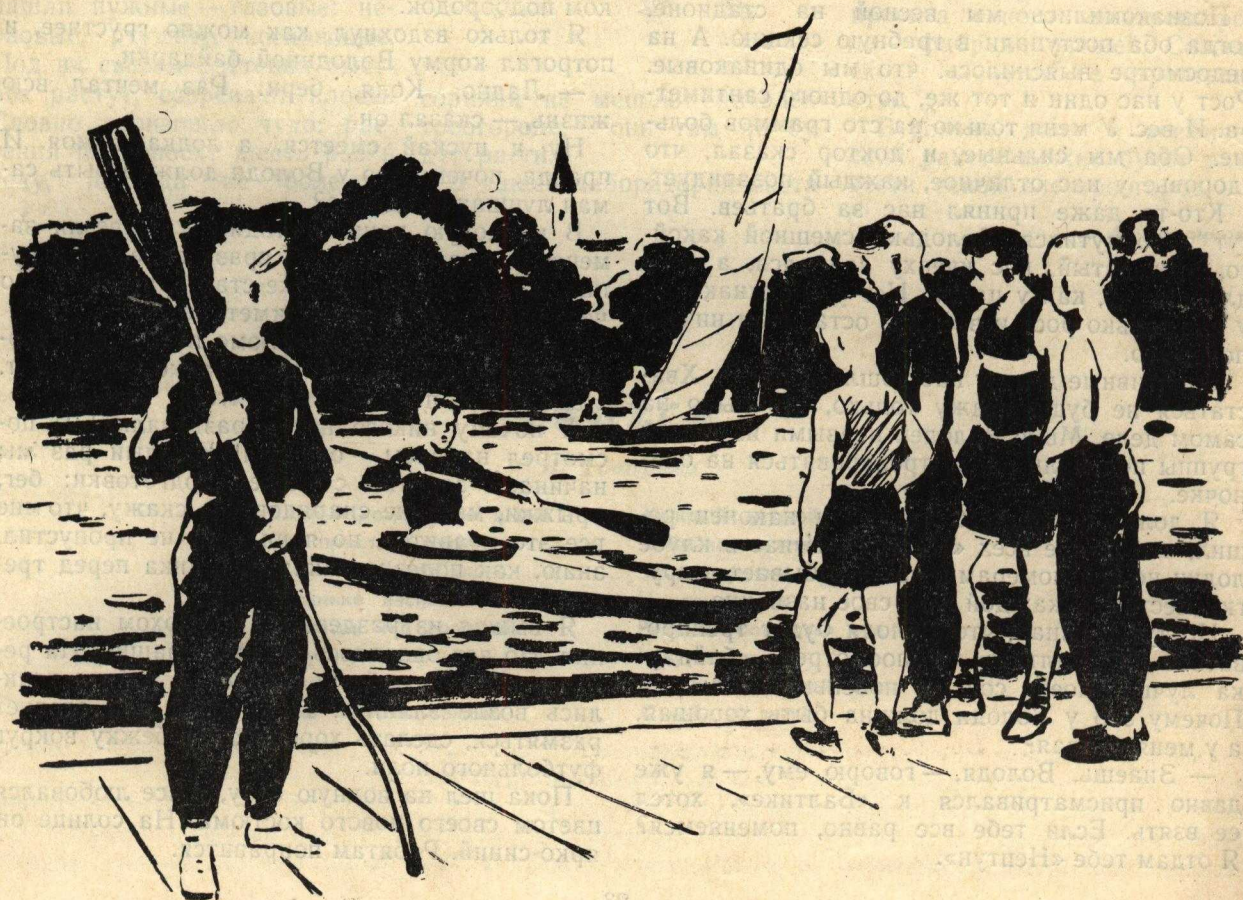
Перед осенними соревнованиями я тренировался, не пропуская ни одной свободной минуты. Володя тоже много работал, но, бывало, и отвлекался. То руль какой-то чинит, то девчонке поможет лодку в эллинг снести.

А то вот еще какой чепухой занялся. Раз как-то начали мы готовиться к тренировке, смотрю — весло поцарапанное. Я к тренеру. Он говорит: это не имеет значения. Как же так, не имеет? Я заспорил, потребовал хорошее весло. Пока все наладил, Володя ушел на байдарке вниз по реке.

Куда же он делся? Искал я, искал и наконец заметил его за островком. Сидит Володя в байдарке у самого берега, держится за ветку ивы, чтобы течением не снесло, перегнулся и смотрит в воду.

— Что ты там нашел? — крикнул я.

Володя вздрогнул даже. Видно, задумался и не слышал, как я подошел. Он ничего не ответил и продолжал смотреть вниз. Я стал рассказывать, как скандалил с тренером насчет весла.

— Тише, — поморщился он. — Не мешай слушать.

— Так я же говорю тебе, слушай, — ответил я и продолжал рассказывать.

— Да не тебя слушаю, — помолчи хоть минутку.

— Что же ты слушаешь? — удивился я. — Карманный приемник тут, что ли?

Вот смехота! Еле добился у него, в чем дело. Оказывается, он слушал, как вода плещется о борт лодки. Говорит: люблю этот плеск слушать. Нашел занятие!

Он покраснел, когда я поднял его на смех, и начал как бешеный грести к стадиону. Я шел сзади и наблюдал за его байдаркой. Ходкая, прямо здорово. Напрасно я поменялся с ним...

Как только мы вернулись, я сказал Володе: — Знаешь что? Я передумал. Отдай мне «Нептуна» и забирай свою «Балтику» обратно.

— Еще что выдумал! Я уже привык к «Нептуну». Скоро соревнования, не могу я в новой лодке... Сам же хотел менять.

— Хотел, а теперь расхотел.

В конце концов я добился своего. Видно, не зря Володька цеплялся за «Нептуна». Замечательная байдарка! Я так пристал к Володьке, что он махнул рукой и отдал ее мне.

Наконец-то день соревнований! Я пришел на стадион, когда уже почти все наши собрались. Рано утром сбегал подстригся, потом — в душ. Под новым тренировочным костюмом у меня был надет тоненький белый свитер. В общем, не стыдно хоть в каком угодно соревновании участвовать.

А Володька-то! Его тренировочный костюм выгорел, штаны на коленях вытянулись. Ну и герой! Ладно, что вихры свои рыжие кое-как пригладил.

Народу масса. Как на, большом празднике. Вот диктор и секундометристы уже забрались на вышку. Тренер наш волнуется, точно ему выступать. Володя тоже какой-то ошалелый. Носится, кому-то весло тащит, в лодку помогает сесть. Суется куда не просят и устанет до того, как сядет в лодку.

Вот и наш заезд. Я иду первой водой, Володя — второй, потом Гошка и еще пять байдарок. Всего восемь человек. Все-таки Гошку допустили к соревнованиям. Пускай спасибо скажет Володе, который его натренировал.

Ребята все в нашем заезде сильные. Но я даже не волнуюсь: знаю, что приду первым. Володька набегался, весь красный, устал. А остальные все же слабее...

Хорошо, что я отобрал у Володи «Нептуна». Вода тихая, ветра ни капли. Тоже хорошо. В воде я всегда начеку — чтобы не перевернуться. Неприятное это дело, кувыркаться в воду. Даже странно, что я совсем не волнуюсь... Как Володька, интересно? Он смотрит прямо вперед, замер неподвижно, точно снимается у фотографа. Ого! Волнуется, хочет выиграть. Мало ли что хочет. Не выйдет...

Старт у моста. Я взглянул наверх. Ух, сколько народу. Но наших не видно, они все на берегу, на стадионе, у финиша. Будут встречать.

Вот уже стартер выравнивает наши лодки, покрикивая с катера. Я снова взглянул на Володьку. Он поправляет на груди номер, прикрепленный к майке. Я тоже поправил свой. А холодно в майке, дрожь берет. Скорей бы...

Ракета! Вперед! Взял старт хорошо. Только бы не отклониться от своего курса... Где остальные? Оглянуться нельзя — потеря темпа.

Вперед, вперед, спокойно, только не волноваться, не сбиться с темпа. Вот уже виден наш стадион. Сколько там народу, на правом берегу! Все на меня смотрят. Крики слышно, не разберу, что кричат, еще далеко.

Это здорово, что болельщики кричат на состязаниях своим любимцам. Подбадривают. Я все же не выдержал, оглянулся. Володька отстал метров на десять, а Гошка — прямо за ним, висит у него на корме.

Вперед, вперед, нагнать потерянные секунды. Финиш все ближе. Крики все громче, громче.

— Володька, давай, давай!

— Володя, Володя!

И хором:

— Во-ло-дя! Во-ло-дя!

А я? А меня? Ведь я же первый иду! Хотел бы один голос крикнуть мое имя. Я так разволновался, что чуть не выронил весло, и лодка покачнулась. Но нет же — вперед, вперед! А с берега продолжали кричать.

— Во-ло-дя!

За спиной шум весел. Вот и нос Володькиной байдарки. Я скосил глаза — вот и рыжие Володькины вихры. Я взял дыхание и напряг все силы...

Мы с Володией совсем одинаковые: рост, вес, и тренировка была одна и та же. Пожалуй, я даже больше тренировался. И почему Володька выиграл соревнования? Может быть, лодка виновата? Напрасно я поменялся с Володькой...

Дороги проверит все

А. Пурцеладзе

Утро курское

Утро — такое раннее, что трудно разобрать, где кончается ночь и начинается новый день. Низко над горизонтом обиженно мигает звездочка, как лампа, которую забыли погасить.

Несмотря на ранний час, народу на улицах много. Особенно на улице Ленина, перед Дворцом пионеров. Стоят, переговариваются, чего-то ждут...

И вот — дождалось! Из широких ворот выезжает мотоллер, такой маленький, что кажется, будто сидящий на нем мальчик, низко согнувшись, бежит по мостовой. За роллером — машина. Борта — цвета морской волны, радиатор сверкает никелем облицовки. На радиаторе — фигурка пионера и под ней надпись: «Курск»...

За машиной — пионеры на мотовелосипедах, за ними ребята постарше — на мотоциклах. Замыкает колонну грузовик. На бортах его алеют новенькие плакаты.

«Во Дворце пионеров — своими руками!» — сообщает один.

«Помни правила движения, как таблицу умножения,» — напоминает другой.

«Изучай родной край!» — призывает третий.

Колонна идет неторопливо, на средних скоростях. Из кузова грузовика торчат удилыща, их хозяева сидят на скатанных палатках, на рюкзаках. Котелки, ведра, бачки звенят на поворотах.

За городом ждет настоящее утро. Небо сбросило синеватую дымку и голубеет ясно и чисто. В лучах солнца поблескивает серебром эмблема на флажках мотовелосипедов — пламя пионерского костра, вытянутый силуэт автомобиля и четыре буквы — ПЗМА...

ПЗМА — пионерский завод микролитражных автомашин. Ребята сами построили машины, и теперь сами испытают их на дорогах области.

В путь!

Рассказ инженера Арцимовича

Записан во время экскурсии на завод за несколько дней до похода.

— Курск до войны был другой. Улицы уже, асфальта мало... и движение совсем не такое, как теперь: меньше авто-

мобилей, совсем мало мотоциклов. Всех, кто ездил на них, мы, мальчишки, знали наперечет. Знали и завидовали. До смерти хотелось промчаться с шумом и дымом по главной улице...

Но вот мечта сбылась. В Доме пионеров работает мотоциклетный кружок. И его руководитель — знаете кто? Ваш Александр Александрович Ярещенко. Саныч... Так мы его звали между собой.

Принимали в кружок не всех. Нужно было не иметь троек, пройти комиссию... Меня принимали. Помню первое знакомство с мотоциклом. Казалось, что нет на свете лучше машины. Только жалели, что фары маленькие — некрасиво. Сан Саныч предложил: поставим новые, большие. Переставляли фары, разбирали машины, чистили... Потом стали учиться водить. Саныч говорил: «Мотор слушай, как сердце. Чтоб работал чисто, не заглох до срока. Он у тебя, как сердце, — один. Он, тебя, как сердце, не подведет, если сам ты себя не подведешь!...»

Наконец, в руках права! Вот оно — долгожданное чувство скорости и власти над машиной... Это было в мае 1941 года. А весной сорок второго я уже воевал на Калининском фронте — солдатом-пехотинцем.

...Помню маленькую деревню. Мы только что отбили ее у противника. Темный снег оседал под сапогами, дороги развезло. На рассвете гитлеровцы попытались вернуть свои позиции. Примчался связной на мотоцикле, сообщил: «Фашисты стягивают силы, хотят замкнуть кольцо.»

Свободной оставалась только одна дорога. Но какая! Снег вперемешку с водой.

Связному передали документы части, командир сказал:

— Жми. Приведешь подмогу.

Мотоцикл взревел, и тут шальной осколок снял связного. Мотоцикл, захлебываясь, лежал на боку.

— Кто может водить? — спросил командир и тоже упал...

— Кто может? — повторил начштаба.

Подбежал я к машине, вижу — марка незнакомая, никогда не ездил на таком. Подняли мы командира, посадили в коляску... Я включил вторую передачу. Снег чавкнул под колесами, в ушах засвистело... Сам думаю: «Мотор, как сердце. Не подведет, не подведет, не подведет.»

Документы я сдал кому надо. Командира увезли в госпиталь. А я вернулся с подмогой на том же мотоцикле. И больше не слезал с машины: закончил войну в мотоциклетно-минометном полку...

Из дневника ПЗМА

5 июля. Было собрание. Решали, кто участвует в походе. Идут Толя Иванов и Леша Рожков на мотороллерах. Геня Диденко ведет «Курск», с ним едет кто-нибудь из запасных. Саша Гамолин, Слава Пашков, Вова Шутов, Вова Куликов и Валя Могильный — на мотовелосипедах. Впереди — члены мотоциклетного кружка на мотоциклах. Сзади — наша грузовая. Лев Сергеевич сказал, что мы из абсолютного лома сделали вполне приличный грузовик.

6 июля. Готовили автомобиль к походу. В начале занятий уничтожали мух, которых было множество. Двигатель выверен. Работает отлично.

8 июля. Окончательно утвердили маршрут. Курск — завод «Волокно» — райцентр Дьяконово (выступления с техникой). — Дичня (стоим лагерем). — Лукашовка (агитработа, выставка техники). Потом Льгов (обменяемся опытом с Домом пионеров, устроим выставку «Своими руками»). И наконец, под Курск, на районный слет туристов!

9 июля. Нашли среди лома металлические полосы. Весь день чистили. Потом гнули, получились дуги. До вечера латали брезент. Теперь на грузовике есть тент.

10 июля. Техника в порядке.

12 июля. Лев Сергеевич сказал: — В дороге все проверяется: исправность механизмов, выносливость и дружба людей. Он сказал — это во всех смыслах испытание двигателей.

13 июля. Идет дождь. Дорога будет трудной. В мастерской холодно. Мухи сразу пропали. Надо к осени придумать, как обогревать мастерскую. А то не дело — части портятся...

14 июля. Сегодня решали, что делать с аристократами. Завтра выходим.

Кто такие аристократы

Это случилось перед самым выходом в путь. Стасик Шиллов скучал. До первого привала он ехал в кузове, запасным. Стасик постоял у грузовой машины, потрогал тент — хорошо ли натянут. Потом сел на мотороллер, завел его... Тр-р! Стасик понесся по двору. Круг, другой... — «Остановись!» — крикнул Слава Пашков. — Кто разрешил кататься?» Стасик смеется: «Я разрешил!»

Ребята встали на пути. Опять Стасика чудит, что ж это такое?! А Тутов сгоряча: «Не брать его с собой — и все!»

Так возникло собрание — с него начался поход. Собрание постановило: железная дисциплина. Никакой анархии. Ни километра без разрешения. Без речи машины.

Потом думали, как быть со Стасиком. Тутов горячился: «Не брать! Они с Володькой — добровольно-аристократическая бригада...»

Ребята засмеялись, сказано точно. Стасик и Володя были когда-то активными членами кружка, а потом остыли — надоело возиться с инструментами, ушли в другие кружки. Но когда узнали о походе, вернулись: Их взяли. Запасными. А в список участников не включили: «Там видно будет!»

Теперь, на собрании, спросили строго: «Ну, что, добровольно-аристократическая, говорите прямо: будете подчи-

няться — езжайте, нет — оставайтесь...»

Аристократы оставаться не захотели.

Технику — в массы

На поляне под дикой грушей сидит жюри: Лев Сергеевич, Кононов, Александр Александрович, ребята-мотоциклисты. Вокруг — болельщики. Посреди поляны — три мотовелосипеда, а за кустами — участники соревнований. По сигналу Льва Сергеевича они не выходят, а вылетают — каждый к своему «велику». На бегу осматривают — где чей? Подскочили, ногу на педаль... Не заводится! Нипочем не заводится! Тутик растерялся, тычется носом то в передачу, то в мотор. Маленький Рожков методично осматривает машину, бормочет: «По порядку... Лев Сергеич учил — по порядку...» А Вова Куликов отчаянно визжит: «Нашел!»

В этом НАШЕЛ весь смысл соревнований. В каждой машине искусственная неисправность. Но какая, вот вопрос!

Здесь? Или здесь? Нет, всё в порядке. Ага, понятно! Понятно, понятно! Скорей инструменты, запчасти. Только бы первым закончить ремонт, оседлать «коня» и сделать три круга перед жюри...

Победителям вручают призы: «талисман шофера» — зеленую резиновую лягушку, книги... Стасик в соревнованиях не участвовал, и теперь просит: — Вовка, отдай лягушку, я братишке подарю. Зачем она тебе?

— Хитрый какой! Это мой талисман. Я его честно выиграл.

К вечеру колонна въезжает в Лукашовку. Тут дело серьезное — пропаганда техники. На площади у сельсовета маши-

ны остановились, шоферы «спешились». И сразу вокруг ребята — от дошколят до завтрашних комсомольцев.

— Гляди, гляди, что это такое?

— А машина маленькая сама ходит, или в грузовой возите?

— Садись, прокачу!

Геня Диденко показывает на мягкое сиденье рядом с собой.

— Ну да?..

Сомневающийся перелезает через борт и через секунду отъезжает от площади, ошеломленно и гордо глядя на товарищей.

— Эй, парень, и меня!

— Она из чего, ваша машина? Деревянная, что ли?

Геня Диденко начинает важно, как гид на международной выставке: «Мы все делали сами...»

— Сами с усами! А завод не помогал? — перебивает Тутик.

— Помогал, — соглашается Геня, но Вова не унимается.

— Колеса для мотороллера выклянчили на аэродроме, двигатель — от старого велосипе-

да, передняя вилка — от самолета. Ну, а руки и головы свои, это верно...

Ребята облепили машину, постукивают по кузову: нет не деревянный, металлический. «Дюр-а-лю-ми-ни-е-вый, — наставительно говорят курыне. — А это не решетка, это капот и мольдинги облицовки. Понял?»

Из дневника ПЗМА

24 июля. Лагерь возле Дични. Лоси не черные. Но они и не серые. Они, как мыши. А черными казались, потому что были мокрые. Лось и лосиха постояли на том берегу Сейма, потом вошли в воду и поплыли прямо к нам. А здесь встряхнулись и стали осматриваться. Кто-то как заорет: «Лев Сергеич, лоси!» Будут они ждать. Конечно, убежали. Только шорох по лесу, и все.

25 июля. Вчера ходили купаться на дальний пляж. Надо было переплыть через рукав Сейма. Все решили плыть, а Рожков сначала боялся. Он ведь только в походе научился, а потом сказал: «Я тоже!» Мы обрадовались, взяли его вещи. Лев Сергеич поплыл рядом с Рожковым, а мы за ними. Все в порядке. Только Туттов утопил туфлю.

26 июля. Лосей больше не видели. Зато заметили очень красивую цаплю.

27. Стирать не так уж трудно.

Тереть не надо — намыль по сильнее, положи в воду, а конец придави камнем. Сейм выстирает. Получается здорово, только вот у Тутика трусы уплыли...

А цапля — Лев Сергееч сказал — никакая не цапля: просто аист. Но все равно — очень красивый.

Дорога — испытание всех двигателей

Сколько раз повторяли эти слова Льва Сергеевича!

У большой машины оторвался тормозной трос. У мотовелосипеда слетела передача. «Иж» стал постукивать...

Вокруг «заболевшей» машины собирали походный «техсовет», а потом начинался ремонт.

Но иногда сдавали совсем другие двигатели.

...Ко Льгову «аристократы» подъезжали в кузове. На мотовелосипедах ехала их смена. Не потому ли они так устали? Во всяком случае, на привале за хворостом отправились все, кроме Володи. А Стасик пошел было, да вернулся. Вспомнил, наверно, что он доброволец. Хочу — иду, хочу — не

иду... Короче говоря, аристократы завалились спать.

— Мы пойдем, разбудим «графов», — сказали ребята.

— Попробуйте, — ответил Лев Сергеевич.

Вернулись обескураженные.

— Они сказали — бог подаст...

Лев Сергеевич не расслышал: стучал молотком, ремонтировал грузовик.

Обед был готов поздно — дежурные сбились с ног.

К этому времени «добровольцы» выпалились.

— Бог подаст, — сказал им маленький Куличок, когда они с мисками подошли к костру.

— Бог подаст, — подтвердил Геня Диденко.

Володя отошел от костра.

— Если так, мы можем и уехать, — сказал он.

— Очень правильно, — ответил Геня. — Вам надо уехать.

Володя повернулся к Льву Сергеевичу.

— Решает коллектив, — твердо сказал тот. Ребята зашумели:

— Хватит, полдороги про-

ехали, а они такие же. Пусть едут, раз не хотят, как все!

— И уедем! — сказал Володя, — Пойдем, Стасик!

Они осматривали свои велосипеды, медленно, словно надеясь, что ребята отойдут... Нет, никто их не удерживал. Дежурные принесли им продукты на обратный путь. Карту. Деньги.

— Мы уезжаем, — сказал Володя.

— Доброго пути, — ответил Лев Сергеевич. Остальные ничего не сказали. Они занимались делом, готовили машины к походу.

Аристократы уехали.

Вовка Куликов сказал вечером: «У этих... тоже двигатели не выдержали».

Вот он — финиш похода. 29 июля колонна ПЗМА в полном составе пришла на областной слет юных туристов, пришла в самый разгар праздника, перекрыв оркестр гудением моторов. Остановились плясуны, смолк оркестр. К машинам сбежались ребята. А через несколько минут репродукторы, словно по эстафете, передали всему лесу рапорт начальника отряда:

— Машины выдержали пятнадцатидневный поход по трудным дорогам области. Пройдено 300 километров. Ребята показали отличное владение техникой, приобрели туристские навыки.

...Горит костер. Прощальный костер туристского слета. Молчат, глядя на огонь, куряне, члены рабочего коллектива ПЗМА. Поход окончен. Поход продолжается!

ТАХКУНСКИЙ МАЯК

Лидия Алексина

Рисунок Л. Коростышевского

Идут корабли по Балтике. Мимо полуострова Ханко. Мимо острова Даго, Тахкунского маяка... И вспоминают моряки историю безымянного героя...

...Маячный холм был опоясан несколькими рядами окопов. После каждой отбитой атаки в окопах оставалось меньше бойцов, зато раненым приходилось потесниться. Они лежали на цементном полу, ютились на винтовой лестнице маяка.

Несколько дней подряд шли дожди. Осенний ветер дул не переставая. Люди забывались в коротком тревожном сне.

Наконец, радисту удалось связаться с Ханко и передать рапорт о положении на маяке. В ответ принял радостную весть:

— Сегодня ночью с острова за нами придут катера! Держитесь! Через несколько часов мы будем у своих!

В ту ночь на 19 октября 1941 года никто не спал. Люди превратились в слух: что если за шумом волн не услышат приближения катеров?

Не ожидая команды, все потянулись к пирсу. Раненые помогали друг другу двигаться. Иные ползли...

Первые катера приблизились к берегу.

Раненых проводила горстка моряков — человек двадцать. Они оставались на маяке, чтобы прикрыть эвакуацию.

Люди торопились: фашисты могли с минуты на минуту появиться на пирсе.

Эвакуация закончилась быстро. Последним прыгнул в катер лейтенант и на прощанье крикнул:

— Удачи вам, ребята!

С палубы он долго глядел на моряков, как будто старался навсегда запомнить их лица. А те уже шли к оборонительным укреплениям...

Когда совсем рассвело, на дороге у леса появились гитлеровцы. По-видимому, они не ожидали встретить сопротивления и шли колонной, во весь рост.

Молодой моряк, оставшийся за командира, прикинул: два пулемета, несколько десятков гранат, винтовки. В общем, не так уж мало. Раздался свист и взрыв мины.

— Началось!

Матросы прижались к земле. Сейчас они могли только ждать, когда кончится огонь. Одна шальная мина разорвалась где-то совсем рядом.

Был накрыт один пулеметный расчет.

Над холмом повисла густая мгла из пыли и дыма. Сквозь мглу ясно обозначались фигуры в серо-зеленых шинелях и касках. Они ползли медленно, и с холма казались гигантскими зловещими жуками.

Пулеметчик метко прочесал первую цепь врагов. Но уцелевшие лезли как одержимые.

Гитлеровцев была целая дивизия. Моряков — два десятка. И все-таки враг снова отступил.

Из леса, переваливаясь с боку на бок, выполз танк. То, что эта атака решит исход боя за Тахкунский маяк, было ясно обоим сторонам. Гитлеровцы, видимо, надеялись, что балтийцы не выдержат и встанут им навстречу с поднятыми руками.

Танк приблизился к рубежу обороны. Из окопа выскочил матрос со связкой гранат и бросился под самые гусеницы. От оглушительного взрыва содрогнулась земля.

...И вот в окопе живым остался последний. Он поднялся во весь рост. Размахнулся и швырнул гранату в гущу серо-зеленых шинелей. Потом отбежал в сторону маяка.

Фашисты прекратили стрельбу. Медленно приближались они, стараясь получше разглядеть единственного оставшегося в живых русского матроса.

Замешкались? Матрос выстрелом из пистолета убил гитлеровского офицера. Потом с силой толкнул тяжелую дверь маяка и побежал по винтовой лестнице. Позади он слышал топот кованых сапог. Наконец, вот она, дверь на верхнюю площадку. Ударом ноги он распахнул ее.

Тут он огляделся. Проверил пистолет. Голова в каске, показавшаяся в эту секунду с лестницы, стала мишенью для последнего патрона.

Матрос прыгнул на широкие перила. Отсюда, с высоты маяка, он снова увидел море. Матрос расправил плечи, гордо поднял голову, прижал к себе связку гранат и бросился вниз в самую гущу фашистов.

* * *

Эту историю рассказал сторож Тахкунского маяка Петер Лее. Имя героя-матроса до сих пор неизвестно.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ СКУЛЬПТУРЫ

Однажды в Русском музее произошло несчастье — была разбита гипсовая скульптура работы замечательного художника Врубеля. Произведение редкой ценности, казалось, безвозвратно погибло. В зал, где уже собирались подмести осколки, вошел реставратор Игорь Всеволодович Крестовский. В хаосе обломков опытный глаз уловил скрытый «порядок». Игорь Всеволодович знал, что куски разбитого предмета располагаются в некотором соответствии с его формой — важно только ничего не сдвинуть с места, ни один осколок, ни одну крошку не тронуть...

Реставратор принялся за работу. Два месяца длился кропотливый труд. Два месяца никто, кроме реставратора, не входил в творческую лабораторию. Шаг за шагом, одна часть за другой возрождалась разбитая скульптура — фантастическая голова Демона. Более пятисот осколков встали каждый на свое место. Некоторые были не больше миллиметра, и тогда скульптору приходилось работать пинцетом.

...Снова стоит в Русском музее прекрасная скульптура. Своим возвращением к жизни она обязана искусству реставратора.

И ЕГО

Рисунки
Б. Стародубцева

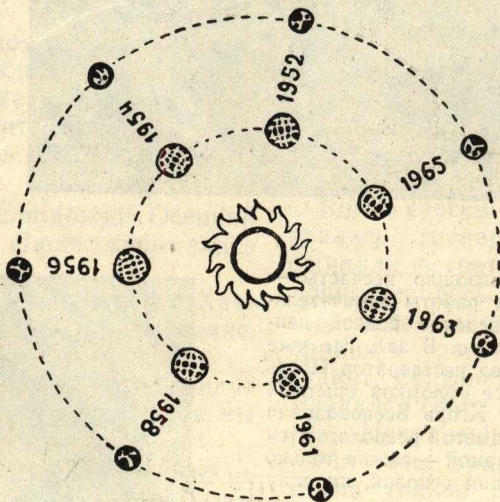
ЧТО МЫ ЗНАЕМ НАВЕРНЯКА

Марс — четвертая от Солнца большая планета. В диаметре он почти вдвое меньше Земли. Но на Марсе также есть лето и зима, и смена дня и ночи происходит примерно так, как и на нашей планете.

От солнца Марс удален намного дальше, чем Земля, и климат на его поверхности очень суровый. В долгую зиму, продолжающуюся почти целый земной год, морозы на этой неуютной планете доходят до ста градусов. Полюса Марса покрываются тогда белыми шапками, которые исчезают летом. Летом на Марсе жарко, хотя ночью пятьдесят градусов мороза не новость... Марсианская атмосфера так разрежена, что на нашей Земле найдешь такую же плотность воздуха разве что

на высоте двадцати километров над уровнем моря.

Вот почти и все сведения, если не считать некоторых специальных астрономических величин, которыми располагают ученые сегодня, о соседе Земли — красном Марсе.

Каждые два года Земля и Марс сближаются друг с другом. В дни противостояний телескопы всех обсерваторий Земли направлены на таинственную планету. Но особенно ждут астрономы **ВЕЛИКИХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ**, которые случаются каждые пятнадцать-семнадцать лет. Во время великих противостояний Марс приближается к Земле совсем «близко» — меньше чем на шестьдесят... миллионов километров.

ЧТО ПРЕДПОЛАГАЮТ УЧЕНЫЕ

Советский астроном Гавриил Адрианович Тихов заметил, что окраска пятен на поверхности Марса меняется со временем года. Зимой они серые, весной — зеленовато-голубые, а ле-

том коричневые. Может быть, это не что иное, как огромные массивы марсианской растительности. Если предположить, что белые, тающие летом шапки полюсов — снег и лед, то

ЗАГАДКИ

значит, на Марсе есть вода. А где вода, там и ЖИЗНЬ.

Значит, **ЖИЗНЬ НА МАРСЕ ЕСТЬ!**

Вмешались в спор ученые, исследующие состав атмосферы Марса. По их наблюдениям она состоит в основном из ядовитых азотных окислов. А как же белые шапки полюсов? Оказалось, что кристаллы белой ядовитой четырех-

окси азота жарким летом тают, превращаясь в жидкость.

Но ведь в ядовитой атмосфере окислов азота — жизнь невозможна!

Значит, **МАРС — МЕРТВАЯ ПЛАНЕТА!**

ОТ ОТКРЫТИЯ К ГИПОТЕЗЕ

В 1877 году миланский астроном Джуованни Скиапарелли обнаружил на Марсе около ста узких прямых линий — «каналов», так назвал эти линии Скиапарелли. Мир ученых был потрясен его открытием...

Каналы! Правильная геометрическая сеть темных линий с узлами в местах пересечений. Да ведь это не что иное, как искусственные сооружения марсиан!.. Может быть, города?..

Но тогда **НА МАРСЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РАЗУМНЫЕ СУЩЕСТВА!**

СПУТНИКИ МАРСА — КОРАБЛИ ВСЕЛЕННОЙ

Одной из самых потрясающих гипотез, касающихся красного Марса, мы обязаны советскому ученому И. С. Шкловскому. Его предположения касаются спутников Марса — двух маленьких небесных тел — Фобоса и Деймоса.

Диаметр Фобоса не превышает шестнадцати километров, а Деймос почти в два раза меньше. Ни одна планета не имеет таких маленьких спутников. Маленьких и загадочных. Оказалось, что Фобос движется вопреки законам небесной механики совсем неравномерно. За несколько десятилетий марсианский спутник ускорил свое движение и, значит, приблизился к поверхности планеты.

Но чтобы затормозиться слабой марсианской атмосферой, Фобос должен быть слишком легким. Либо состоять из газа, либо... **БЫТЬ ПУ-**

СТЫМ ВНУТРИ, как консервная банка без содержимого или лесной орех, съеденный червем.

И. С. Шкловский предположил, что спутники Марса не что иное, как огромные космические корабли, построенные и запущенные на свои орбиты марсианами два или три миллиарда лет назад.

Значит, старый **МАРС БЫЛ НАСЕЛЕН РАЗУМНЫМИ СУЩЕСТВАМИ.**

КАКИМИ

МОГУТ

БЫТЬ

МАРСИАНЕ?

НО КУДА ЖЕ ОНИ ДЕЛИСЬ?

На этот вопрос сегодня еще никто не пытался ответить. Надо надеяться, что настанет время, и первый советский межпланетный корабль, вернувшись с Марса, привезет на Землю разгадки таких тайн, которые сегодня не сняты не только ученым, но и писателям, авторами самых невероятных «космических» романов. Подождем...

ТИХИЙ ОМУТ

В. Козлов

Рисунки Т. Ксенофонтова

БУТЫЛКА ПОД СТОГОМ

Мысль об экскурсии в Москву не давала Митьке покоя. Степка так и не сказал, откуда он узнал, что Митьку думают взять. Но Тритон-Харитон человек надежный. И врать не станет. А школа? Пока Митька больной, ясно, почему он не ходит в школу. А потом? Если он и потом не пойдет в школу, то все — поездка ухнула. Да и вообще не хотелось бросать школу. Что за

жизнь на мельнице? День дома просидишь — ни одного человека не увидишь. А география — это чепуха. Если он захочет...

— Ты что, оглох? — небольно стукнула мать Митьку деревянной ложкой по лбу. — Зачем к тебе ни свет, ни заря Степка приходил, спрашиваю?

Митька, стиснув зубы, молчал.

— Господи, да что с тобой? — положила ложку на стол мать. — Глазищами так и зыркает...

— Оставь его, сестрица, — сказал дядя Егор. Он с аппетитом хлебал жирные щи, улыбался. К бороде его прицепился кусочек капустного листа. Когда квартирант широко разевал рот, борода его норовила заскочить в щи.

Митька отодвинул от себя почти полную тарелку и выбрался из-за стола.

— Не фокусничай! — пригрозила мать.

Он молча вышел. Слезил на чердак за портфелем, забежал в сарай за книжками. На

речку идти не хотелось. Дядя Егор пообедал, отдохнет и придет рыбачить. Митька направился к высокому стогу, что был сметан на пригорке. Река шумела близко, но из-за кустов ее не видно. В каких-нибудь двадцати метрах от стога начинался сосняк.

Митька натягал немного сена и улегся. Дождь перестал моросить, но небо над головой было, словно серой ватой, набито. Земля приятно холодила спину и пятки. Он достал из портфеля географию и стал лениво листать. Прочитал все про тундру. Закрыв глаза и про себя повторил. На всякий случай прочитал про лесостепь, тайгу и смешанный лес. Повторил и, облегченно вздохнув, убрал географию в портфель. Теперь можно и книжку почитать. Сначала «Судьбу барабанщика», а потом эту... «Чудотворную».

Книжка увлекла его. Судьба маленького барабанщика чем-то напоминала его, Митькину, судьбу. На лист уселся зеленый молибод, и покачиваясь на тонких ножках, стал усердно бить поклоны. Митька хотел щелчком сшибить его, но заинтересовался. Очень уж умори-

Окончание. См. «Костер» №№ 4, 5, 6, 1961 г.

Митька видел, как на щеке его перекатывался желвак. Квартирant что-то жевал на ходу.

Со стороны реки слышалось негромкое криканье, плеск. Там в камышах жила дикая утка. Митька ее несколько раз видел. Маленькая, серая, с коричневой спинкой и белым брюшком. Это было весной. Она тихо выплыла из осоки и, подивившись на цветной поплавок, нырнула под кувшинку. Ее белый хвост трепетал под прозрачной водой, а серые лапы с желтыми перепонками смешно сучили. Второй раз Митька увидел ее летом. У него упала в воду банка с червями и поплыла вниз по течению. Митька берегом обогнул камыши и полез в воду, наперерез, надеясь перехватить банку. И тут в маленькой заводии, окруженной камышом и высокой травой, он снова увидел утку. И не одну: вокруг нее были разбросаны маленькие пушистые

тельно молибога кланялся. На него просто нельзя было смотреть без смеха!

Митька почувствовал себя беспокойно. Что-то заставило его оглянуться. И он сразу забыл про молибога. К нему по колючему косовищу шел старший брат. В одной руке он держал удочку, в другой нес связку плотвиц. Митька не поднялся, не спрятал книгу. Он даже не пошевелился.

Дядя Егор подошел к стogu с другой стороны. Он нагнулся и, зарывшись бородой в сено, засунул под стог руку до плеча. Митька услышал звон и бульканье. Спина дяди Егора стала медленно выгибаться, голова запрокидываться. И Митька снова увидел маленькую розовую лысину. С пятачок. И еще он увидел стакан, который дядя Егор держал у губ, и бутылку.

«Водку хлещет, — безразлично подумал Митька. — А чего это он прячется?»

Дядя Егор между тем выпил еще полстакана, заткнул бутылку длинной деревянной пробкой, засунул под стог и сеном припорошил. Когда он уходил по косовищу домой,

желтые комочки. Митька не успел сосчитать, сколько их. Утка встрепенулась и что-то крикнула своим утятам. Они запищали, засуетились и вдруг все разом провалились под воду. Чуть погодя, в зарослях речной повилики снова показалась утка. Она вертела своей точеной головкой, и с широкого утиногo носа капала хрустальная вода.

Выросли утята и разлетелись куда глаза глядят. Осталась утка одна. Скучно ей. Иногда вечерами слышно ее печальное криканье. Может быть, по утятам тоскует? Или зовет других уток, чтоб всем вместе, косяком, лететь в теплые края?

Утка умолкла. С неба опять заморосил невидимый дождь. Не дождь, а мокрая пыль. Из сосняка выпорхнули две белобокие сороки. Словно по воздушным ухабам, — вверх-вниз — оглушительно вереща, они перелетели через речку и опустились в березовой роще.

Не хотелось Митьке уходить отсюда, но въедливая мокрая пыль надоела. Он сложил книжки в портфель и пошел домой. В сенях замешкался, хотел снова отнести портфель на чердак, но раздумал.

Дома было тихо. Мать сидела у печки и сплетала лук в вязанки. Дядя Егор покашливал в другой комнате.

— Нагулялся, сынок? — ласково спросила мать.

— Читал, — сказал Митька.

Мать приложила палец к губам и показала глазами на дверь: дескать, тише — услышит!

— Когда захочу, тогда и буду читать, — с вызовом сказал Митька. Достал из портфеля «Судьбу барабанщика» и, усевшись под лампой, стал листать книгу.

— Не гневи бога, сынок, — прошептала мать.

— Знаешь, какая интересная? Про шпионов. Хочешь, вслух буду читать?

Мать махнула рукой и отвернулась. А Митьку так и подмывало еще что-нибудь сделать.

— У меня есть еще одна книжка. Божественная... Мне ее сам дядя Гриша прислал... И тебе велел прочитать... А если спрячешь — твою «Библию» в реку брошу. Лучше до моих книг и не касайся.

Он все время поглядывал на дверь, дожидаясь, когда выйдет дядя Егор. У Митьки было сегодня воинственное настроение.

Квартирант скоро вышел из своей комнаты. Митька ожидал, что увидит его пьяным, пошатывающимся. Ничего подобного. Дядя Егор выглядел, как всегда.

— Кажись, надолго занялся? — кивнула мать на мокрое окно. Луковица из ее рук выскользнула и покатилась по полу.

— Божья роса божью землю кропит, — сказал дядя Егор, щупая кончик своей бороды. Так он всегда делал, когда сердился.

— Сено бы не потравил, — сказала мать, не поднимая луковицу.

— Что читаешь? — повернулся дядя Егор к Митьке.

— Книгу.

— Вижу, что книгу. Какую?

— Про маленького барабанщика.

— А-а, — сказал дядя Егор и отпустил бороду.

— Про барабанщиков можно? — спросил Митька.

— Что с тобой поделаешь? — пожал плечами дядя Егор.

Мать облегченно вздохнула и подняла с пола луковицу.

— А про икону чудотворную можно? — спросил Митька.

— Про что?

— Про икону, — сказал Митька. — Один мальчишка нашел ее где-то...

Квартирант близко подошел к Митьке, посмотрел ему в глаза.

— Покажи.

— От вас водкой пахнет, — сказал Митька и отодвинулся.

Треугольные глаза старшего брата побелели, на щеках заходили желваки. Он быстро взглянул на мать и цепко схватил Митьку за плечо.

— Ты что болтаешь, дрянь?

— Я не дрянь, — сказал Митька. — Это вы...

— Уши оборву! — закричала мать. — Как ты смеешь?

Митька вскочил с табуретки, прижал книжку к груди.

— Ну чего вы?! — тонким голосом крикнул он. — Уйду из дому... Нет житья! В школу не пускают. Книжки — нельзя. Молиться можно. Не хочу! Не буду!

Митька замолчал. Слезы градом посыпались из глаз. Он отвернулся к окну, прижал к лицу занавеску. Плечи его затряслись.

— Одумайся, сынок, — тихо сказала мать. — Что такое говоришь? — Она беспомощно посмотрела на дядю Егора, на глазах ее тоже блеснули слезы.

Старший брат сел за стол, забарабанил пальцами по клеенке.

— На него нашло, сестрица, — спокойно сказал он. — Не ходит мальчишка на моления, а сатана тут как тут. Это речи сатанинские. Надо спасать мальчишку от сатаны...

— Не надо меня спасать, — всхлипывая, произнес Митька. — А на мельницу я все равно больше не пойду... Хоть убейте.

Дядя Егор подошел к Митьке, погладил по голове.

— Не ропщи, брат Митрий, — ласково сказал он. — Все образуется... Еще спасибо мне скажешь... Покажи мне эту книжку... Про икону.

— В портфеле, — буркнул Митька.

Дядя Егор достал из портфеля книгу, сунул под мышку.

— Это библиотечная, — предупредил Митька. — Не заберите...

— Погляжу, что это за книга... — сказал дядя Егор.

ГРЕХ И САТАНА

— Мам, — сказал Митька, — погляди-ка, все прошло, — он завертел головой во все стороны.

— Ну и слава богу.

— Можно в школу?

Мать взглянула на дверь, за которой слышались шаги дяди Егора.

И чего она все время его боится?

— Еще находишься в свою школу, — негромко сказала мать. — Отдохни маленько.

— Я и так вторую неделю сижу дома, — занял Митька. — Мам, пусти?

— Успеется.

— Не пустишь — все одно убегу. Лучше пусти. А, мам?

Мать не успела ответить: из комнаты вышел дядя Егор. Борода его и усы были аккуратно расчесаны, глаза весело перебежали с Митьки на мать. Чувствовалось, что встал он в хорошем настроении.

— Чем нас попотчешь, сестрица? — ласково спросил он. — Вещий сон мне нынче приснился...

— Я пошел в школу, — перебил его Митька.

Улыбка сползла с губ дяди Егора. В треугольных глазах его появилось что-то такое, от чего Митьке стало не по себе.

— Не боисься гнева божьего — ступай! — сказал дядя Егор. — Крепко сидит в тебе, брат Митрий, сатана.

— Скучно ему, Егор Власыч, — робко вступилась мать. — Один-одинешенек. Слоняется день-деньской из угла в угол. А в школе одноклассники.

— Не думает он о боге, сестрица... Это сатана его наущает.

— Я уж по всякому пробовала, Егор Власыч, — устало сказала мать. — Уперся, как бык.

— Сатана это, — дядя Егор еще больше помрачнел. — Гнать надо из него сатану...

— Все ребята ходят в школу, а я дома сиди? — угрюмо сказал Митька. — В школу хочу.

Дядя Егор, щупая бороду, заходил по избе. Сзади к его пиджаку прицепились длинные светлые волосинки. Особенно много их было на плечах.

— Гнать надо сатану, — повторил дядя Егор и остановился напротив матери: — Другого выхода нет, сестрица.

Мать опустила руки, лицо ее побледнело.

— Вам виднее, брат Егор.

Митька смотрел на них, и тревога закрадывалась в его сердце. Как это гнать сатану? Ишь, чего придумали!

— Никакая сатана во мне не сидит, — сказал он. — У меня внутри — полный порядок. — И зачем-то похлопал себя по животу.

Дядя Егор молча мерил шагами избу. Мать держала в руках тарелку с румяными оладьями. Глаза у нее были красные, то ли от печного жара, то ли от слез.

— Нет, говорю, у меня никакого сатаны, — завопил Митька. — Ничего из меня гнать

не надо. Отдайте лучше «Чудотворную». Она библиотечная.

— Не ропщи.

— Мне же попадет, — сказал Митька. — Отдайте, говорят.

— Это сатанинская книжка.

— Нет, — сказал Митька, — библиотечная. У вас все книжки сатанинские, кроме «Библии» и этого... евангелия...

Он весь кипел. Вторую книгу у него хотят зажить. Добро бы свою, а то библиотечную.

— Я тогда все ваши книжки спалю, — заявил Митька. — Вместе с мешком...

— Уймись! — прикрикнула мать.

— И твою «Библию» спалю, — сказал Митька.

Пусть лучше изобьют, а книгу он им не даст.

— Эту книжку мне Тритон-Харитон принес... А ему дал дядя Гриша... Не отдадите — он сам придет.

Дядя Егор смотрел на Митьку, качал головой и как-то странно улыбался:

— Эх, брат Митрий, и что ты за беспокойный человек! Ну кому твоя книжка нужна? Верующий человек такую пакость и в руках-то держать не захочет.

Он принес из комнаты книгу и отдал Митьке.

— Отдай ее назад этому... Тритону. Богомерзкая книга. И читать-то ее противно.

Митька обрадованно затолкал книгу в портфель и направился к двери.

— В школу все-таки? — спросил дядя Егор.

— Ага, — сказал Митька.

— Не советую, брат Митрий... Ну придешь ты в школу, а тебя все равно оттуда выставят.

— Я же географию выучил. Пускай спрашивают...

Митька надел кепку, всунул босые ноги в стоптанные башмаки.

— Ты водное крещение принял?

— Заставили...

— Кто же в школе крещеного держать будет? Там пионеры в почете, а ты член общины.

— Никто не знает.

— Узнают, — сказал дядя Егор. — Ты — в школу, а я — к директору...

Митька растерялся. Неужели и вправду все пути в школу отрезаны? Всю жизнь сидеть, как квашня, дома...

— Хозяюшка, — совсем другим тоном сказал дядя Егор. — Не мори, ради Христа, голодом.

Митька уже не первый раз замечал, что квартирант последнее время чересчур уж ласков с матерью. Вот и сейчас, склонив набок голову, пристально наблюдает за ней, а длинные пальцы сучат кончик тощей бороды,

будто прядильную нить. Мать ничего не видит. Она шурует ухватом в печи, и на красивых руках ее полыхает жаркий отблеск огня.

Так и не пошел в этот день Митька в школу. Дядя Егор звал рыбачить — тоже не пошел. До самых сумерек, как прикованный, просидел у окна. Сосчитал, что за час со старой липы упало сто одиннадцать листьев, а над Калинкой пролетело восемь уток и один чирок. Немного Митьку развеселили сороки. Они спешили куда-то по своим делам, но, увидев в лопухах у дороги блестящую консерв-

ную банку, сразу приземлились. И тут начался сорочий базар! Долго ссорились они у этой банки, сварливо трещали, злобно долбили друг дружку черными клювами. Победительницей оказалась хромая сорока. Она разогнала всех, а банку поднять в воздух так и не смогла. Зря старалась.

Дядя Егор принес на прутике штук пять плотвиц и три окуня. Мать изжарила рыбу, поставила самовар.

— Иди за стол.

Митька не пошел.

ДВА ЛИЦА

В избе было тихо, как в погребке. Дядя Егор, тетка Лиза и мать сидели за столом и молча пили чай. Митька, грудью навалившись на подоконник, дочитывал «барабанщика». Дядя Егор и тетка Лиза, прихлебывая с блюдца, строго и выжидающе смотрели на мать. А она, низко наклонив голову, дула на кипятки. Черные ресницы ее были опущены.

— Завтра же сама сходи, сестрица, — сказал дядя Егор.

— Так-то лучше будет и для него, сестрица, — пропищала тетка Лиза. — И богу угодно.

Ресницы матери дрогнули и еще ниже опустились. Блюдце закачалось в ее руке.

— Схожу, — чуть слышно произнесла она. — А что он дома-то будет делать?

— Уж это не твоя забота, — сказал дядя Егор.

— Бог о нем позаботится, — пропищала Головастик. — И мы...

Митька понимал, что говорят о нем, но никак не мог от книги оторваться. А потом он и так догадывался, о чем речь. Все о нем и о бесе, который в Митьке сидит...

В сенях затопали тяжелые шаги, раздался громкий стук. Митька встрепенулся: это не бог-гомол! Дядя Егор поспешно встал из-за стола и с блюдцем в руках ушел в свою комнату. В дверях показалась огромная фигура председателя сельсовета. Мать поднялась ему навстречу.

— Здравствуй, Марфа, — сказал дядя Гриша и провел рукой по усам. — Пускать не хочешь?

— Мне что — входите, — поджала губы мать, — изба большая.

Харитонов перешагнул через порог, и, хотя мать сказала, что изба большая, — сразу стало тесно. Потолок и тот вроде ниже стал. У стола, нахохлившись, будто черная курица, сидела тетка Лиза. На маленьком личике ее — сквозило беспокойство. Мышинные острые глаз-

ки то посмотрят на мать, то на председателя сельсовета. Она громко прихлебывала чай и закусывала булкой.

— Хлеб-соль, — сказал дядя Гриша. — Как это говорится-то? Попы за книжки, а миряне за пышки.

— Не хлебом живы, молитвою, — заметила тетка Лиза.

— Слышал я тоже одну молитву, — усмехнулся Харитонов. — Господи, прости, в чужую избу пусти, помоги нагрести и вынести. Не твоя ли это молитва?

— Тьфу-тьфу, — яростно заплевалась тетка Лиза. — Как язык-то у тебя повернулся?

— Все гадаешь-предсказываешь? — насмешливо спросил ее Харитонов. — Поколдуй мне?

— Какая я колдунья, прости ты господь, Григорий Ляксандрыч, — сказала тетка Лиза. — Уж когда карты в печи спалила. И вспоминать-то об этом грешно... Заглянула на часок к сестрице Марфушке — чайком побаловаться.

— Чаек — дело хорошее, — дядя Гриша придвинул табуретку к столу и сел. — Если хозяйка угостит, и я не откажусь. Попьем чайку, потолкуем о жизни... Ходят слухи, что ты не только чайком балуешься... Самогон гонишь?

— Самовар остыл, — сказала мать. — Не ждали в гости-то.

— Я в момент разогрею! — сорвался с места Митька. — Мам, спички где?

— Где им быть? На шестке.

Митька с грохотом сбросил крышку с жаровни и стал заталкивать в горячую самоварную трубу угли.

Тетка Лиза поднялась из-за стола, потуже завязала на круглой голове черный платок.

— Времячко-то так и летит! — сказала она. — Дай бог тебе здоровья, сестрица... Побреду потихоньку.

— Посиди, сестрица, — стала уговаривать мать, — может еще чашечку выпьешь, с медком?

— Мам, налей дяде Грише с медком, — повернул Митька.

— Куда спешить? Посидим, поговорим о боге... — сказал дядя Гриша и незаметно подмигнул Митьке. — Какому богу сейчас молитесь? Христу или Иегове?

— Покудова, сестрица, — заторопилась к порогу тетка Лиза.

Она неслышно притворила за собой дверь, но через секунду снова просунула в щель свое остренькое личико:

— Напрасно ты меня обижаешь, Григорий Ляксандрыч, — сказала она. — Давно картишки-то изничтожила... И самогон не варю. Не оманываю. Убей бог — не оманываю.

— А я думал, тебе вера не мешает грешить... Дескать, богу — богово, а кесарю — кесарево.

Тетка Лиза ушла, а Харитонов не мог унять смех.

— Чует кошка, чье мясо съела... Богу молится, а худых дел не сторонится.

Когда самовар зафырчал, задрезжал трубой, разразился паром, дядя Гриша одним махом поставил его на стол. Мать, не глядя на гостя, заварила чай, придвинула сахарницу, достала из буфета белую кружку с нарисованным на ней коричневым домиком.

— Покрепче? — спросила мать, наливая чай.

— Чай не водка, градусы не считают... Ты какой уважаешь, Митя?

— Крепкий.

— Заваривай в таком разе круче, — сказал Харитонов, улыбаясь Митьке.

Дядя Гриша и мать сидели за столом, пили чай. Молчали. Их тени, одна поменьше, а другая огромная, усатая, тревожно двигались по стене, озаренной неровным светом керосиновой лампы.

— А где ваш постоялец? — спросил дядя Гриша.

— Где ему быть? У себя, спит наверное.

— Не плохо живут... божьи людишки, — засмеялся председатель. — Днем рыбку ловит, чуть стемнело — на боковую.

— Да он не спит, — подал голос Митька.

— Ложись-ка сам спать!

— Еще выплусь, — сказал Митька. — У меня времени полно...

— Школу совсем забросил? — спросил дядя Гриша.

— Больной он, — сказала мать.

Митька сорвался с места, подбежал к дяде Грише.

— Здоровый я, — он похлопал себя по шее, завертел головой. — Ничего у меня не болит.

— Чего же дома околачиваешься?

Митька, взглянул на мать, отошел в сторону.

Председатель сельсовета поставил на стол недопитую кружку, тяжелым взглядом посмотрел на мать. Колосистые пшеничного цвета брови сошлись, усы задвигались.

— Ты на меня, Григорий, не гляди волком... — сказала мать. — Говори, зачем пришел?

— Почему до сих пор твой жилец не прописался?

— Я в его дела не касаюсь.

— И паспорт не видела?

— Зачем мне? Я — не милиция.

— А вдруг разбойника пригрела?

— Митя, спать! — сказала мать. — Живо раздевайся!

Тут отворилась дверь, и дядя Егор, приглаживая вздрагивающей ладонью гладкие лосящиеся волосы, какой-то странной походкой приблизился к столу.

— Мир вам, — кивнул он председателю.

Митька с тревогой следил за лицом дяди Гриши. Сначала оно побледнело, потом густо налилось кровью. На виске набухли две синие жилы.

— Пестрецов? — выдохнул он. — Жив, сволочь?

Упираясь кулаками в стол, он медленно поднимался. Глухо стукнула табуретка — дядя Гриша зацепил ее ногой. Стало тихо. Даже самовар, словно чего-то испугавшись, перестал выбрасывать пар в потолок.

Мать стояла у печки, сцепив руки на животе. Квартирант, серый, словно его только что золой посыпали, пятился к своей двери. Руки его суетливо расстегнули пиджак, зашарили в карманах.

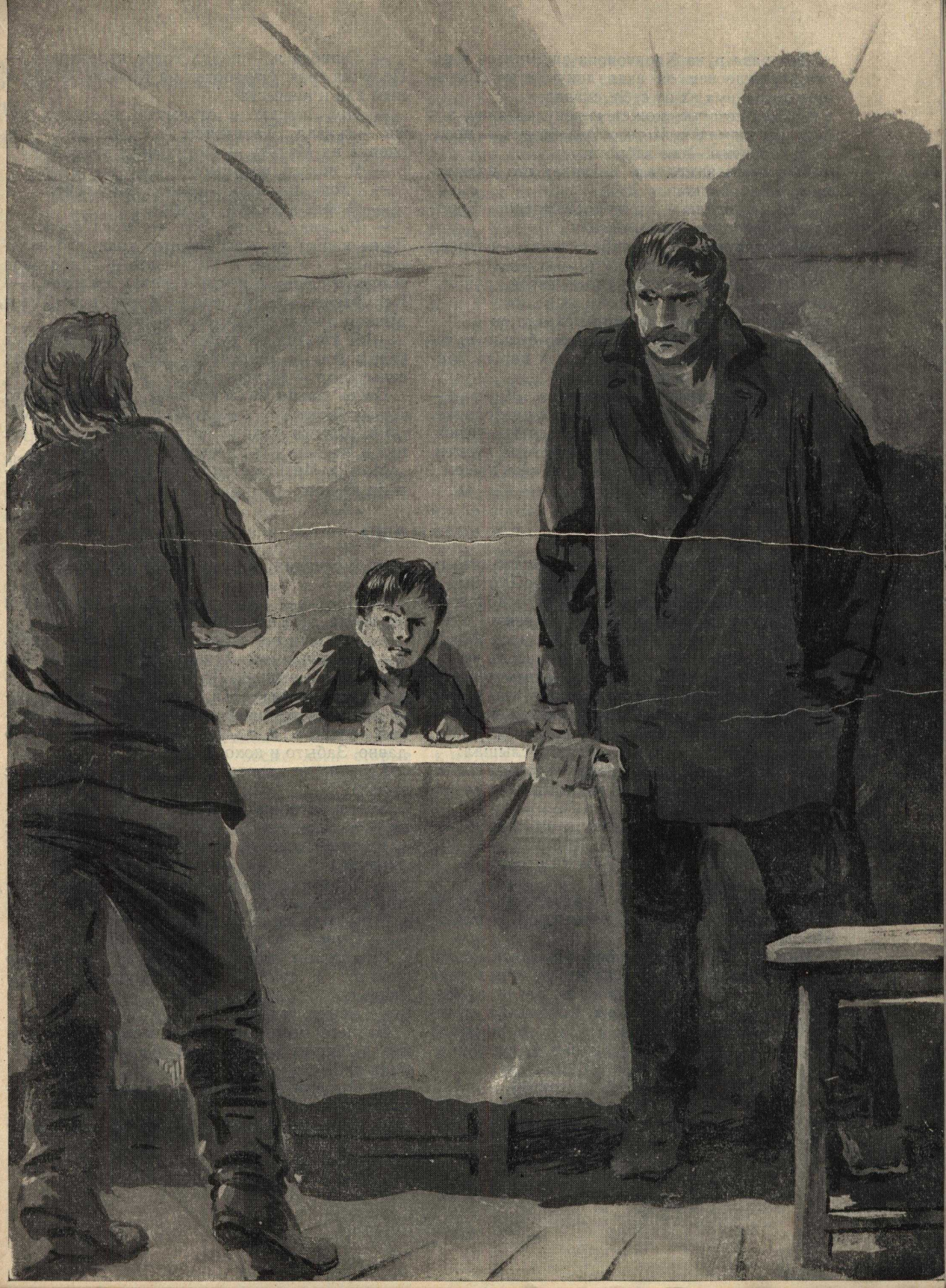
— Я кровью искупил, — скороговоркой заговорил он. — Двенадцать лет отсидел... Отработал! Пóтом и кровью! Вот тут... — он никак не мог достать из кармана документы. — Вот... все... написано... Освободили.

Харитонов выпрямился во весь богатырский рост. Он перешагнул через табуретку и остановился перед квартирантом. Митька, чувствуя, как суетится сердце, широко раскрыл глаза.

Харитонов не ударил. Отвернувшись от Егора, он с трудом согнул прямую спину и поднял с пола табуретку. Подержал в руках, осторожно поставил и сел на нее. Разглядывая свои руки, глухо спросил:

— Зачем к нам заявился?

— Трудом искупил, — бормотал квартирант. — Простили. Советская власть простила. — Он наконец достал бумаги, положил на стол и пальцем осторожно пододвинул председателю.

Два раза рука Харитоновы сжималась в кулак, прежде чем он взял документы. Прочитал, отодвинул их от себя, сказал:

— Для кого ты, может, и искупил вину, а я буду век помнить. И те, кто в братской могиле захоронены, — не забудут.

Харитонов замолчал. В глазах его полыхала ярость.

— Я искупил... — хрипел Пестрецов. Борода его тряслась, глаза мигали.

— Земля не жжет тебе пятки? — спросил Харитонов, поднимаясь.

Пестрецов отскочил к своей двери, прислонился к ней спиной.

— Вы ответите, — шепотом сказал он.

Харитонов нахлобучил на свою большую голову зеленую фуражку, шагнул к порогу. Половицы под ним застонали.

— Знаешь, кого ты приютила, Марфа? — глянул на мать дядя Гриша. — Не разбойника. Хуже. Бывшего полицая, из соседней деревни. Твой муж, Костя, не дал мне его тогда пустить в расход... По закону, сказал, судить будем... И вот вернулся... по закону.

— Ошибся я, — подал голос квартирант. — Получил срок. Отработал на Колыме. С прошлым раз и навсегда...

— При немцах в открытую продавал души, — сказал Харитонов. — А теперь... — Он кивнул на Митьку. — Потихоньку травишь?

— Я никого насильно к богу не тащу.

— Уходи из села, — сказал Харитонов.

— Я ведь здешний... Родина...

— Родина... Слово это не моги говорить! Даже кошка не возвращается туда, где напакостила. Уходи, Пестрецов. — Харитонов сглотнул слюну и почти шепотом выдохнул: — Не уйдешь — быть беде! — Круто повернулся, рывком распахнул дверь и вышел.

— Я ишачил на рудниках! — тонко крикнул квартирант в широкую спину председателя сельсовета. — Искупил!

Дверь давно захлопнулась, а он еще долго что-то бессвязно выкрикивал, потрясая бумагами. Листки падали на пол, он наступал на них и все еще что-то говорил и говорил.

Мать и Митька стояли рядом и молча смотрели на него.

СВОБОДА

Митька проснулся внезапно, будто кто-то саданул его под бок кулаком. Открыл глаза и увидел на потолке длинную бледную дорожку. По дорожке бесшумно двигались какие-то тени. «Луна глядит в окно, — догадался Митька. — А это тополь в огороде шелестит ветками». Он прислушался: ветер за окном теребил драпку на крыше, поскрипывали деревья. Под застрехой завозились голуби, раздался писк — и все умолкло.

Митька закрыл глаза и вдруг услышал:

— Сестрица! С кем греха не бывает? Запугали немцы, чем стать под пулю — одел ихнюю форму. Заставили.

— Идите в свою комнату, — сдавленно отвечала мать.

— Меня бог простил... Замолил грех.

— Сына разбудите.

— А что мне сделает Харитонов? У меня все бумаги в порядке. Отбыл срок, и точка. Не имеет права.

Митьку стал трясти озноб. Он тихонько повернулся на другой бок: на пороге сидел дядя Егор. Мать лежала на кровати. Ее лицо желтым пятном выделялось на подушке. Квартирант зашевелился, рука его что-то поднесла ко рту. Послышалось бульканье. И чуть погодя:

— Сестрица, так как? А, сестрица?

— Уходите, ради Христа.

Снова долгое прерывистое бульканье, ми-

нута молчания и нетвердый голос квартиранта.

— Плевал я на Харитонova... Надо было и его тогда... На первой березе.

— Замолчите, — сказала мать. — Вы пьяны.

— Сволочь он. Хотел сразу расстрелять меня, да не вышло... Руки коротки. Не боюсь я его. Не имеет права. Где захочу, там и буду жить. Я голова общины. Непри... косовенная личность. А то, что у немцев был, — это давно. Забыто и похоронено.

Квартирант, хватаясь за дверь, поднялся с порога.

Будто пружина подкинула Митьку на лавке. Он свалился на пол, опрокинув ведро с картошкой, вскочил на ноги и налетел на квартиранта.

— Уходи от нас! — заорал Митька, цепляясь за его рубаху. — Полицай!

Мать села на кровати, свесив ноги.

— Сынок, что с тобой? Он уйдет.

Квартирант поймал Митьку за ухо, больно крутнул и, приблизив свое бородатое лицо, сказал:

— Брысь, гаденыш!

От него несло водкой и чесноком. Борода лезла Митьке в глаза, а пальцы все еще крутили ухо.

— Отпустите ребенка! — поднялась с кровати мать.

— А ну вас к дьяволу, — сказал квартирант

и, нагнувшись, стал шарить по полу. Поднял бутылку и, пошатываясь, ушел в свою комнату.

— Мам, уйдем отсюда, — всхлипнул Митька. — К Харитоновым. Дядя Гриша звал...

Ухо горело, будто его солью натерли.

— Из своей избы, — сказала мать.

— А он? — кивнул Митька на дверь.

Мать сходила к печке за кочергой и подперла дверь.

— Ложись со мной, — сказала она, отодвигаясь к стенке.

Митька долго не мог заснуть. Вертелся, кашлял и вздрагивал от каждого шороха. Дует ветер за окном, скрипнет ветка, а ему кажется, что это за дверью шевелятся. Ворочался-ворочался Митька на постели, а потом встал, подошел к двери и потрогал кочергу — крепко ли держит?

И заснул он, обхватив мать за шею рукой.

Часов в пять утра на той стороне реки остановился грузовик с прицепом и долго сигналил. Мать вскочила с постели, на ходу позавтракала и уехала с шофером на ближнюю лесную делянку.

— Скоро вернусь, — сказала мать. — Подожди меня.

Уехала она и даже забыла кочергу от двери убрать.

Митька был бы непрочь еще поспать, но какой тут сон, если того и гляди квартирант застучит. Нажмет на дверь — кочерга сразу отскочит. Митька быстро оделся, прямо из глиняного жбана попил топленого молока, съел кусок хлеба. В селе нечего делать так рано, но и дома ему ни минуты оставаться не хотелось. Давно не ходил он за грибами. Побояивался раньше, а тут надел на босые ноги старые сандалии, взял под лавкой корзинку и выбежал из дома. И только у реки вспомнил, что надо кочергу убрать. Проснется квартирант, а дверь заперта. Митька через огород подобрался к окну, привстал на цыпочки, заглянул: Пестрецов спал. Полосатое одеяло валялось на полу, одна рука свешивалась вниз, другая — держалась за бороду. Рот был широко открыт, будто жилец укусить кого-то во сне собрался. Митька тихонько возвратился в избу, высвободил кочергу и — бегом за дверь.

По правде говоря, ему не хотелось за грибами идти. И все-таки лучше лес, чем встреча с Пестрецовым.

Он знал одно грибное место. Сразу за речкой, на границе соснового бора и березовой рощи. Туда никто не ходил за грибами. Ближе у дороги.

Домой Митька вернулся в половине вось-

мого, когда по его расчету должна была приехать мать. В избу сразу он не пошел. Укрывшись за кустами, осмотрелся: на крыльце стояли резиновые сапоги. Значит, мать дома! А у мельницы маячила знакомая фигура с удочкой. Все в порядке — путь свободен.

...Мать возле печки чистила картошку. Коричневая шелуха змеей выползала из-под ее ножа, и, сворачиваясь в кольца, шлепалась в ведро. Увидев на пороге Митьку с корзинкой, мать еще ниже склонилась над картошкой.

— Пришел? — спросила она.

— Грибов наломал, — сказал Митька. — Белых. Их много за просекой.

Помолчали. Очищенные картофелины одна за другой с громким бульканьем падали в чугунок.

Чугун уже полный, а мать все чистит и чистит. Одна картофелина покатилась по полу. Мать бросила мокрый нож на лавку.

— Сказала я ему — пусть уходит.

— А он?

— Уйдет.

Митька стоял на пороге и коленкой подтачивал корзину с грибами. Он чувствовал, что мать что-то не договаривает, что-то скрывает от него.

— Когда уйдет? — спросил он.

— Не говорил когда.

— Пускай сегодня уходит, — сказал Митька.

— Человек ведь — не скотина... На улицу не выгонишь.

— Он партизан выдавал... Пускай уходит.

— Не простой он, сынок, главный у нас...

— Полицей он.

— Когда это было? А теперь богу служит.

Митька поставил корзину на пол, подошел к матери.

— Погляди, как он мне ухо разукрасил... Драться, говорит, грех, а сам?

— Он же выпивши был.

— Полицей он — вот кто, — со злостью сказал Митька и нахмурился. — Книжки читать не дает, дерется.

Мать взяла из чугуна картофелину и стала вертеть ее в руках.

— И в школу не пускает, — добавил Митька.

Мать молчала.

— Пускай сегодня уходит.

— Он слуга господи бога, сынок, — сказала мать.

— Полицей он — вот кто!

Митька взял с подоконника портфель. Стукнул кулаком по замку.

— Пошел я... В школу.

Мать подобрала с полу картофелину, заглянула в корзинку.

— Грибов-то сколько!

— И «Библию» свою пускай забирает, — сказал Митька. — Вранье там сплошное.

— Погоди, я на стол соберу, — попыталась удержать его мать.

Митька отступил к порогу и сказал:

— Мам, у него есть какая-то Маруся... Вот пускай к ней и уходит. — И выскочил за дверь.

Он словно на крыльях перелетел через мост,

нырнул в рощу. Тропинка весело бежала навстречу, ветер свистел в ушах. В школу! Пускай теперь кто-нибудь попробует удержать его. Всё, дядя Егор, кончилась твоя власть... И никакого сатану теперь Митька не позволит из себя гнать. Ишь, что придумали! Митька вдруг подумал, что Пестрецов сам похож на сатану или на козла. Вот только бы еще рога. Вылитый козел!

РЯДОМ ДРУГ

— Эй, Лесник, — на уроке ботаники тихонько сказал Тритон-Харитон, — что я знаю — ахнешь!

— Ничего ты не знаешь, — подковырнул приятеля Митька. — Тебе только что двойку поставили...

— Подумаешь, лютики... А ты знаешь, где у них рыльце? — Степка тряхнул светлыми лохмами. — То-то... Исправлю! Мне батя утром такое сказал... Район разрешил нам строить гидроэлектростанцию. Теперь у всех будет электричество, а не только в школе и больнице.

— Загнул!

— Уже эти... фонды отпустили.

Митька не знал, что такое фонды, но это непонятное слово сразу заставило поверить.

— На Калинке? — спросил Митька.

— Понятно, — сказал Степка. — Батя сказал, что у вас тоже будет свет. На всех улицах фонари зажгут, как в городе.

— А ты точно знаешь, что их отпустили? — спросил Митька.

— Что?

— Ну, фонды.

— Отпустили, — сказал Степка.

Митька немного помолчал и снова спросил:

— А вдруг их не хватит?

— Чего?

— Ну, фондов!

— Вот человек! — рассердился Степка. — Говорят, хватит... На каждом столбе лампочку повесят.

Степка тоже не знал, что такое фонды, и боялся, что Митька спросит.

— Степ, а ты попроси батю, чтобы повесили хоть две лампочки в лесу! Все равно ведь провод будут через рощу тянуть.

— Это можно, — согласился Тритон-Харитон. — Знаешь, что? Давай помолчим: учительница на нас смотрит.

После звонка Митька стал не спеша собирать свои книжки и тетрадки. Класс опустел, а он все еще сидел за партой.

— Ну чего ты копаешься? — торопил Тритон-Харитон. — Пошли!

Митька заглянул в портфель: до сих пор пахнет свечками! Куда идти? Домой? С полицаем в одной избе он жить не будет. И на мельницу больше — ни шагу. Мало того, что окрестили, так еще надумали какую-то сатану из него гнать. Нашли дурака.

На спортплощадке Митьку поджидал Огурец. Он стоял у шведской стенки и насмешливо улыбался. На голове у него красовалась новенькая в красную шашечку тюбетейка.

— Эй, Богомол, скажи, земля круглая или нет? — крикнул Огурец и захихикал.

Степка незаметно подтолкнул Митьку и, насвистывая, пошел вперед. Он даже не глядел в Петькину сторону, а тот строил противную рожу и снова крикнул:

— Богомол, вертится земля или нет?

Степка изловчился и поймал Петьку за локоть.

— Сейчас, Огурец, узнаешь, какая земля... Круглая или нет, — торжествовал Тритон-Харитон. — Лесник, иди, бить будем.

Митька подошел к Петьке, лениво размахнулся... и опустил руку.

— Бей! — подзадорил Степка.

— Неохота, — сказал Митька. — Заплачет. Огурец, приготовившийся было зареветь, приободрился.

— Прими грабли, — сказал он Степке и попытался выдернуть руку.

— Ябедничал? — спросил Тритон-Харитон. — Получай!

И хлестко шлепнул ладонью Огурца по щеке.

— Дразнился?

И вторая звонкая пощечина разнеслась по двору, вспугнув с забора стайку воробьев.

Новенькая тюбетейка слетела с Петькиной головы, длинное лицо сморщилось, губы задрожали.

— Хва-а-тит... Тритонище!

— Ну что, земля вертится? — спросил Степка, награждая Огурца подзатыльником.

Петька заревел.

— А теперь иди, жалуйся! — Степка повернул Огурца спиной и напоследок дал ему хорошего пинка.

— Плачет? — спросил Митька, который уже успел отойти на порядочное расстояние.

— Не будет капать, — сказал Тритон-Харитон.

— И землю зачем-то приплел.

— Дурак он, — сказал Степка. — Дурак в тюбетейке.

— А если опять наябедничает?

— Пускай...

Даже расправа с Огурцом не подняла Митькино настроение. Петька поплачет, позлится — и домой придет. А куда ему, Митьке, деться?

— Хорошо бы в футбол сыграть, — сказал Митька.

— Камера спустила... Дырка.

— Заклеим.

— Клею нет... А потом трава мокрая. Кончился сезон. Теперь до весны.

У магазина остановились. Дед Андрон был на месте. Видно, с утра сидит тут. Он перешел на зимнюю форму: закутался в красный длинный тулуп, а сверху прикрылся своей любимой фуражкой с отломанным козырьком. Из тулупа торчали борода, усы да толстый красный нос.

— Дедушка, скоро всем электричество проведут, — сообщил Митька. — И тебе над головой лампочку повесят... Чтобы воров было видно.

— Дай бог, — сказал дед.

— А бога-то, оказывается, нет, — сказал Митька. — Бога древние люди выдумали... Это, когда они совсем как обезьяны были.

— Обезьяны выдумали? — толком не расслышав, переспросил дед. — Обезьяна тоже божья тварь.

— Чего это ты, дед, в тулуп завернулся? Озяб? — спросил Степка.

— Кровь не греет, — сказал сторож. — Мое дело табак.

Дед Андрон сегодня был опять не в духе. Фуражка прямо сидела на его голове. Он глядел мимо ребят и о чем-то думал.

— Дедушка, а филин — божья тварь? — спросил Митька.

— Ну зачем бес принес его сюда? — сердито взглянул сторож на Митьку. — И жил бы на Колыме.

Митька со Степкой переглянулись. Тритон-Харитон незаметно постучал пальцем по своему лбу.

— Кого бес принес? — спросил Митька.

— Ишь, придумал... Борода! Мне сразу его обличие показалось знакомым. Рыбачок!

Митька наконец сообразил, о ком речь.

— Деда, он у немцев полицаем был, да?

— Внучонка с невесткой отправил в неметчину, — сказал сторож. — Сгинули. А он живехонек. Рыбку, язви его в душу, ловит.

— Мамка сказала, чтоб он уходил от нас... Полицай он.

— Внученок-то мой сейчас школу бы уж кончил... Там, в Германии, пропал... А он, гляди-ка, рыбку удит.

— Мить, — потянул приятеля за рукав Степка. — Переживает человек...

Андрон еще глубже забрался в свой тулуп. Глаза его были красными и часто моргали.

До рощи дошли молча. Митька чувствовал, что Тритон-Харитон что-то хочет сказать ему, но не решается. Станный какой-то сегодня Степка! В школе Митька несколько раз ловил на себе его пристальный взгляд. И сейчас идет, все время сбоку поглядывает на Митьку, как будто год не виделись. Митька спросил:

— Нос у меня в чернилах, что ли?

— Нос в порядке, — сказал Степка.

— Ну чего ты на меня все время глаза тащишь?

— Куда хочу — туда и гляжу.

— Смотри лучше на небо, а на меня не надо, — сказал Митька. — Не люблю.

Степка посмотрел на небо, вздохнул и вдруг спросил:

— Хочешь быть моим братом?

— Братом? — изумился Митька. — Как это?

— Ну так... — сказал Степка. — Будешь жить у нас и все такое... Не надоело тебе в такую даль в школу ходить?

— А мамка?

— Мамка, — повторил Степка. — Мамка сама собой... У ней бог.

Митька налету поймал падающий с березы лист, рассеянно положил его в рот и стал жевать. Даже не заметил, что горько. Деревья стоят молча. Не шевелятся и не шумят. На

редких листьях блестят дождевые капли. Пахнет муравьиной кислотой. Не слышно и филина. Днем филин спит. А как только стемнеет, — выберется из своего дупла и давай людей и птиц пугать. И почему у него такой голос противный? Не то плачет, не то смеется — не поймешь.

— Так как, Мить?

Хороший парень этот Тритон-Харитон. Такого брата одно удовольствие иметь. И дядя Гриша звал. Будете, говорил, со Степкой спать.

ПО РЕКЕ ПЛЫВУТ ЩЕПКИ

Толстая вековая сосна вздрогнула, пошатнулась и, рассекая колючими ветвями воздух, со свистящим обвальным шумом грохнулась на берег. Гулкое лесное эхо обрадованно ахнуло и пошло гулять вдоль берегов Калинки.

На розовом срезе крупными каплями выступила янтарная смола. Любопытная лесная муха опустилась на пень, жадно сунула свой хоботок в смолу и увязла.

Плотники, оседлав шершавый красный ствол, весело затюкали топорами. Смолистые

— Нам надо в Москве вместе держаться, — сказал Митька. — Город — будь здоров. И потеряться не долго.

— Не пропадем, — сказал Степка.

Митька чувствовал, что Тритон-Харитон ждет ответа.

— А ты где спишь? — спросил он.

— Что? — удивился Степка и расплылся в улыбке: — На кровати. Она ужас какая широкая, Мить! Втроем можно спать — не вывалишься.

сучья с треском падали в росистую траву. Ствол дрожал, звенел. Тягучие прозрачные нити тянулись от него к земле.

— Плачет сосна, — сказал Митька.

— Их тут много навалит, — усмехнулся Степка.

— Как ты думаешь, — спросил Митька, — когда построят гидростанцию, рыба уйдет?

— Рыба шума не любит.

— Какие у плотины лещи водились!

— В омуте?

— Ага, — сказал Митька.

Они стояли на берегу, и ветер трепал их волосы. Из лесу доносились визгливый звон пилы, дробное постукивание топоров, голоса рабочих.

Из Митькиного дома вышел невысокий бородатый человек с тугим зеленым вещевым мешком в руках. Брюки его были заправлены в новые сапоги, на голове новая коричневая шляпа с черной лентой. Скользя холодным равнодушным взглядом по лицам ребят, он стал смотреть на плотников. Упала еще одна сосна. Когда вдали заглохло эхо, человек вскинул мешок на плечо и поднялся на мостик. Здесь он снова остановился. Перегнувшись через березовые перила, посмотрел на мельницу.

— Никак богу молиться хочет?

— Отмолился, — сказал Митька.

Пестрецов сплюнул в воду и зашагал по тропинке. Мокрые кусты шумно хлестали по голенишам.

— Крикни ему что-нибудь, — подтолкнул приятеля Степка.

— Полицай, — сказал Митька, не отрывая взгляда от покачивающейся спины бывшего квартиранта.

— Хочешь я его камнем?

— Далеко...

Коричневая шляпа нырнула в кусты и снова отчетливо появилась на фоне березовых стволов. Сейчас Пестрецов свернет вправо и навсегда исчезнет из Митькиных глаз.

Пестрецов повернул вправо. И исчез.

Митька устало опустился на прибрежную траву.

— Ушел, — сказал он. И в первый раз с тех пор, как познакомился «с рыбаком-чудаком», весело улыбнулся.

— Надо бы его камнем, — вздохнул Тритон-Харитон.

Улыбка исчезла с Митькиных губ. Он вытащил из кармана ножик и показал приятелю.

— Забыл...

— Не догонишь, — сказал Степка.

Митька подбросил на ладони нож, зажал в кулак. Вытанув вперед руку, медленно разжал пальцы. Нож скользнул в воду и, блеснув в зеленых водорослях серебряной рыбкой, проворно ушел на глубокое илистое дно.

— Был нож — и нет ножа, — сказал Митька. Мимо них к запруде плыли белые сосновые щепки.

ЛЕСНАЯ ШКОЛА

А. Ливеровский

В июле, в лесу, самая воспитательская пора.

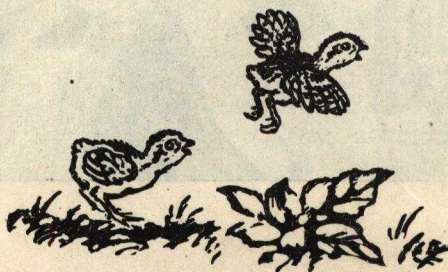
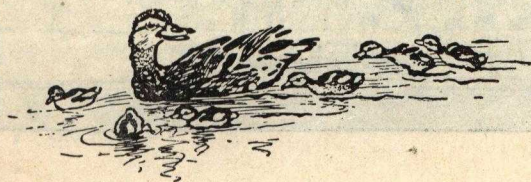
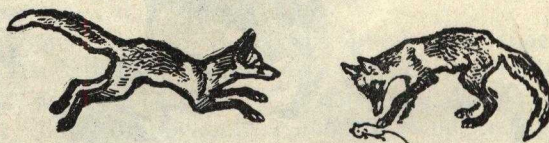
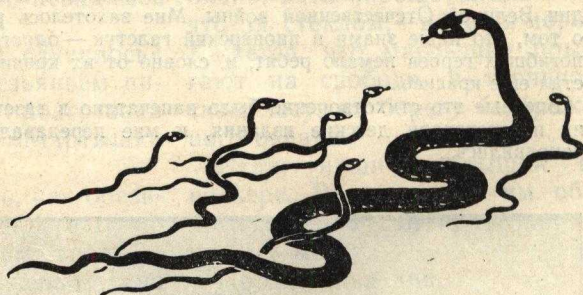
— Шш-шш! Шш-шш! — говорит ужиха. — Как трудно научить ребят по-настоящему ползать! Смотрите: поворот корпуса вправо, поворот влево, голова приподнята. Прямо. Смелее! Смелее ползайте, ужата!

— Эка невидаль научить ползать! Дети сами ползают. Моих лисенят я должна выучить ходить, бегать и прыгать. Вот это не просто. За мной, ребятки! Хоп! Хоп! Еще выше! Через кочку! Ух! Сама устала с этим учением.

— Фьюить! Фьюить! Рябчата, за мной! Разбег! Прыжок! Воздух! Дальше, дальше, перепархивайте. Вы уже не бегунки-цыплята. Вы — поршки! Просто беда... Попробуйте-ка сразу выучить детей ходить, бегать, прыгать и летать. Не знаю, когда все это кончится...

— Кря! Кря! Странно вас даже слушать, рябчиха! Что у вас за обучение! Самая начальная школа. Попали бы ваши дети в наш утиный университет! Ходьба, бег, прыжки, летное дело, плавание и ныряние. Вот это учение!

Рисунки И. Ризнича

СЛОВО О ПИОНЕРАХ-ГЕРОЯХ

Из истории советской поэзии

Наверно, все ребята знают стихотворные строки:

Как повяжешь галстук,
Береги его...

В своем творчестве поэт Степан Шипачев не раз обращался к пионерской теме: он автор не только приведенных строк о пионерском галстуке, но и большой поэмы о пионере-герое Павлике Морозове.

Редакция журнала «Костер» попросила Степана Петровича поделиться воспоминаниями о том, как были написаны эти произведения.

Он рассказал:

— Замысел поэмы «Павлик Морозов» возник у меня в 1932 году, сразу после того, как было совершенно злодейское убийство. Уверенность в том, что такая поэма нужна, укрепили слова Алексея Максимовича Горького. В статье «Вперед и выше, комсомольцы» Горький писал о Морозове: «...память о нем не должна исчезнуть, — этот маленький герой заслуживает монумента...»

Но начать работу над поэмой я смог только в 1948 году. Почему такой большой перерыв между замыслом и его осуществлением? Я думаю, вот почему: сразу после смерти Павлика о нем появилось много очерков и брошюр, и все они мне не понравились. Я не понимал, почему их авторы не сумели рассказать о Павлике так, чтобы судьба его волновала читателя, и сам боялся написать плохо.

Через много лет я понял: в первых очерках и брошюрах о Павлике рассказывалось только о Павлике и ничего о том, как мальчик жил — учился, играл, ходил в лес за клюквой, разводил костры. Понял я, что нельзя говорить о жизни Морозова, не показав и все те большие события, которые происходили в это время в советской стране, в мире.

Поэма была написана, напечатана в журнале. И все же многие места в ней меня не удовлетворяли. Не все слова казались точными. Грубо были обрисованы отношения между отцом и сыном...

В конце 1961 года в издательстве «Молодая Гвардия» выйдет в свет книга моих стихов и поэм. Она называется «В добрый путь». В ней будет опубликован последний, исправленный вариант «Павлика Морозова». Так что можно сказать, что над этой поэмой я работал около десяти лет...

Стихотворение «Пионерский галстук» написано в 1942 году, в тяжелые дни Великой Отечественной войны. Мне захотелось рассказать не только о том, что наше знамя и пионерский галстук — одного цвета, а что среди погибших героев немало ребят, и, словно от их крови, пионерский галстук стал еще краснее...

Впервые это стихотворение было напечатано в газете «Правда». Оттуда их перепечатали детские издания, и мне передавали, что ребятам они понравились...

ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК

Степан Шипачев

Как повяжешь галстук,
Береги его:

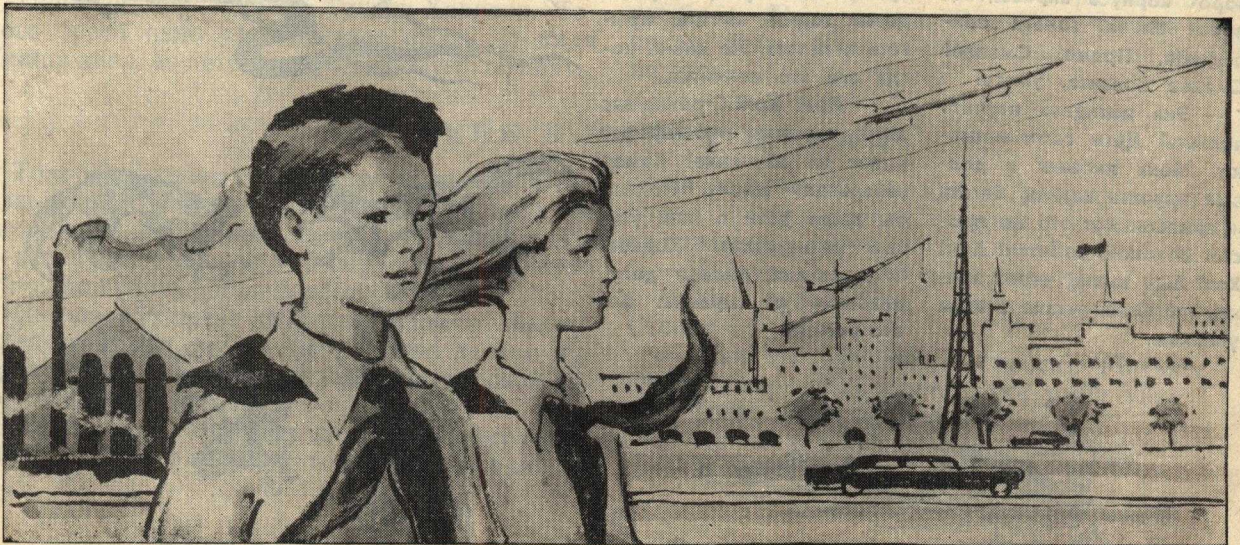
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

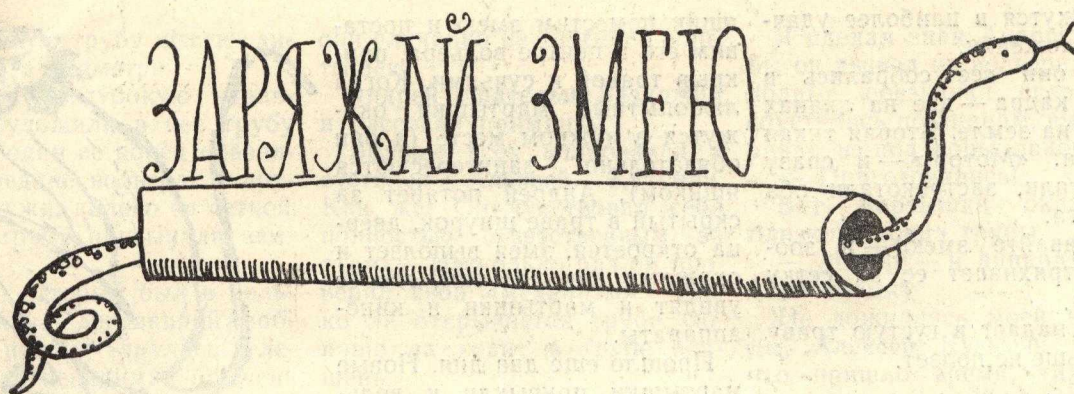
А под этим знаменем
В бой идут бойцы.
За Отчизну бьются
Братья и отцы.

Как повяжешь галстук,
Ты — светлей лицом...
На скольких ребятах
Он пробит свинцом!

Пионерский галстук...
Нет его родней!
Он от юной крови
Стал еще красней.

Как повяжешь галстук,
Береги его:
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

Работая в кино со зверями, никогда нельзя заранее знать, как они будут себя вести, как удадутся съемки.

Животные ведь не люди, им не расскажешь и не прикажешь. Сколько иногда требуется терпения и смекалки, чтобы снять один-единственный кадр!

О таком кадре рассказывает кинорежиссер *Георгий Артурович Брусе*.

Два служителя опустили на землю переносную клетку с ручками, как у носилок. Клетку придвинули вплотную к вольеру и открыли дверцу.

Из клетки стремглав выскочили три зеленые мартышки. Быстро оглядевшись, они бросились в ту сторону, где не было решетки, где виднелись

тропические заросли и открытый даль моря.

Но что это? Бегущая впереди мартышка вдруг будто ударилась о какую-то невидимую преграду и, отброшенная с силой назад, упала.

То же самое случилось и с остальными двумя — добежав до определенной черты, они ударились о что-то невидимое и отскакивали.

Когда и где это случилось? В Сухуми, в обезьяньем питомнике, где идет подготовка к съемке эпизода «Мартышки и змея».

Нам нужно снять, как обезьянки резвятся и прыгают по лианам и зарослям тропического леса и вдруг неожиданно увидели змею.

Известно, что в джунглях змея для обезьяны — самый опасный враг. Обезьяны очень боятся змей, даже если их никогда не видели. Это у них наследственный страх — инстинкт.

Для съемки был сооружен особый треугольный вольер.

В его середине растут пальмы, извиваются лианы, лежат поваленные стволы — все это искусно устроено нашими декораторами. Две боковые стенки и крыша — из сетки. Острый

угол между стенками немного срезан и в нем — окошечки. В них снаружи наблюдают операторы и высовываются объективы аппаратов. Третьей стены, на первый взгляд, будто и нет вовсе. Ее образует огромное зеркальное стекло.

Когда смотришь со стороны киноаппарата, то стекла не видно, зато хорошо видно все, что за стеклом, — и лес, и море. Кажется, что мартышки прыгают на свободе, в тропическом лесу, на берегу безбрежного океана.

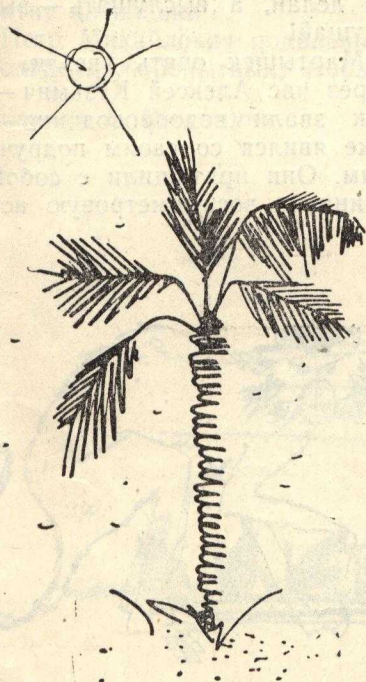
Итак, наши мартышки в вольере. Решено дать им обжиться, чтоб они привыкли к новому месту.

Прошло два дня.

Леонид Матвеевич и Лева заняли свои места за аппаратом.

Зоолог держит наготове в мешочке заранее пойманную змею. Служитель и Андрей заходят в дверцу вольера и раскладывают за кору деревьев и между лианами конфетки, кусочки сахара и орехи, чтобы проголодавшиеся мартышки вышли из своих углов.

Шепотом даю команду: «Приготовились!» — и внимательно слежу, когда мартыш-

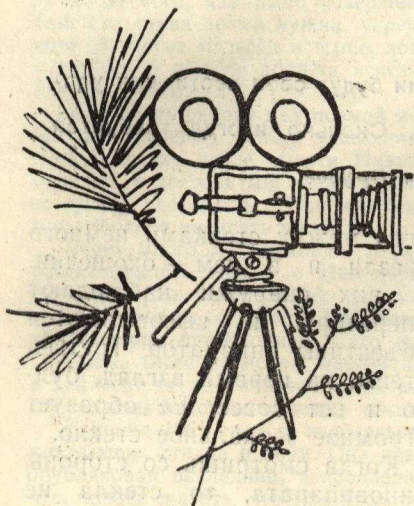

ки окажутся в наиболее удачном положении.

Вот они все собрались в центре кадра — две на лианах и одна на земле. Вторая тихая команда: «Мотор!» — и сразу заработали, застрекотали оба аппарата.

— Давайте змею! — и зоолог встряхивает ее за сетку вольера.

Змея падает в густую траву и... дальше не ползет.

В аппараты ее даже и не заметно. «Не вижу», — шепчет Леонид Матвеевич, но мартышки-то, конечно, сразу разглядели своего смертельного врага. В одну секунду они оказались на сетке и повисли под крышей вольера.

— Стоп! — команду уже громко. — Ничего не вышло!

Все огорчены. Мы знаем, что этих мартышек теперь ни за какие коврижки не заставишь еще раз спуститься туда, где они только что видели змею. Придется начинать все сначала.

Зоолог ловит змею, раздосадованный Лева складывает аппаратуру, я прошу служителей заменить мартышек тремя другими.

Решаем сделать небольшой ящик с выдвижной дверцей. В

ящик поместим змею и поставим его в центре вольера, прикрыв травой и сучьями. Когда любопытные мартышки окажутся в нужном месте (а они обязательно заинтересуются ящиком), Андрей потянет за скрытый в траве шнурок, дверца откроется, змея выползет и окажется как раз там, где ее увидят и мартышки и киноаппараты.

Прошло еще два дня. Новые мартышки привыкли к вольеру. Можно снимать. Но не тут-то было!

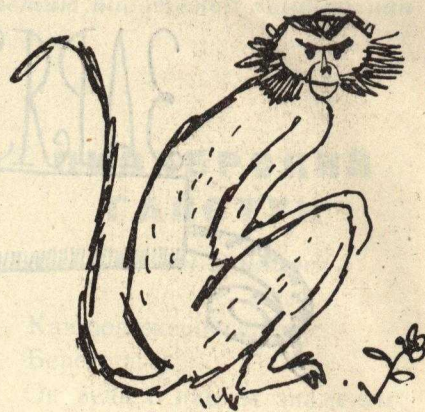
Не стоит долго и рассказывать. Установили ящик со змеей. Дождались, когда зверьки спустились вниз. Я опять командовал: «Приготовились! Мотор! Выпускать змею!»

Но змея и не подумала вылезать: в ящике было прохладно, а снаружи на солнце жара в 33 градуса. Мартышки даже в ящике разглядели змею, а мы ее опять-таки не увидели. И снова нужно менять мартышек, и снова ждать два дня, пока они привыкнут к вольеру.

Вдруг сзади нас раздался голос:

— Эдак у вас, друзья-товарищи, ничего не получится. Уже который день бьетесь, а все без толку.

Я раздраженно обернулся. Как всегда, за веревочным ог-

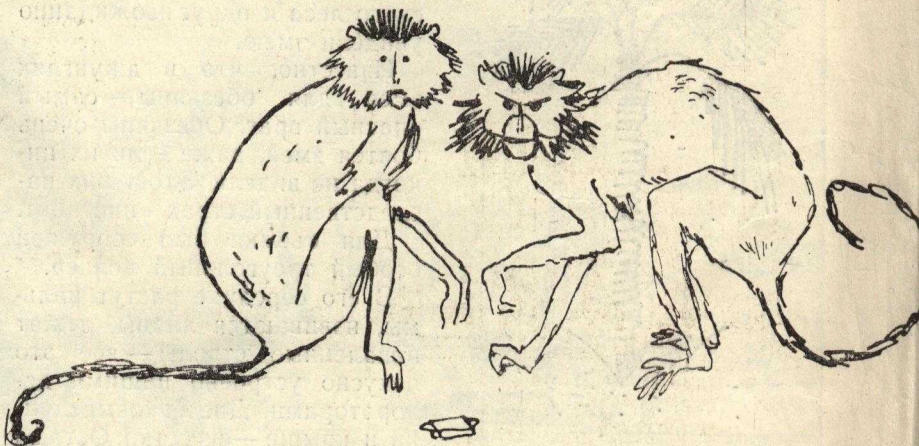

раждением стояла кучка любопытных. Один из них нырнул под веревку и подошел ко мне. Это был старик-водопроводчик, работающий здесь, на биостанции. Я его раньше видел: он в числе других рабочих устанавливал для нас вольер.

— Не мешайте, — сказал я. — И без вас видим, что не получается, чего же вы нам еще нервы портите?

— А ты не сердись, милый, ведь я же тебе хочу добрый совет подать! Не понравится — не делай, а выслушать — выслушай!

Мартышек опять увезли, а через час Алексей Кузьмич — так звали водопроводчика — уже явился со своим подручным. Они притащили с собой длинную, восьмиметровую во-

допроводную трубу шести сантиметров в диаметре.

Прорыв неглубокую канавку, они уложили в нее трубу так, что один ее конец оказался в середине вольера, а другой снаружи, далеко за сеткой. Сверху трубу присыпали землей.

Конец, который был в вольере, заткнули деревянной пробкой. От пробки тянулась зеленая, почти невидимая, но очень крепкая капроновая нить.

Изготовили «поршень», длинный стальной прут со шляпкой — круглым металлическим диском.

И вот еще через два дня наступил решающий момент. Что-то будет сегодня?

Напомню еще раз — нам надо снять, как мартышки возятся на деревьях и вдруг видят, что к ним приближается опасный враг — змея. В панике они разбегаются. Вот и все.

Заранее все подготовили, внимательно осмотрели. Лева еще раз проверил аппараты — нет ли пыли на объективах, хорошо ли заряжены кассеты, хватит ли пленки.

Петр Михайлович подальше отодвинул любопытных, чтобы

они случайно не спугнули мартышек.

Андрей тщательно разложил и рассовал приманку.

Больше всех волновался и суетился Алексей Кузьмич. Как же! Он чувствовал себя полностью ответственным за съемку. Несколько раз он проверял свой «механизм» — легко ли открывается труба, хорошо ли ходит в трубе поршень.

Он даже присвоил себе обязанности режиссера, отодвинув меня на задний план, — на всех покрикивал и распоряжался.

— Заряжай змею, — командовал он зоологу. Далеко за вольером, заслонившись так, чтобы обезьяны не заметили змею, зоолог впустил ее в наружный конец трубы и заткнул поршнем. Тихонько двигая поршень вперед, Алексей Кузьмич заставил змею ползти по трубе. Остановил он поршень тогда, когда, по его расчету, змея должна была оказаться у другого конца трубы, то есть в середине вольера.

— Давай начинай, — хриплым шепотом скомандовал он мне.

Я сделал знак Андрею, чтобы он вышел из вольера, и голодные обезьянки сразу же спустились по лианам, выковыривая из-под коры лакомства.

— Приготовились!

Вот мартышки оказались близко у конца трубы.

— Мотор! — и аппараты начали съемку.

Не дожидаясь моей команды, Алексей Кузьмич понял, что пришло время, тихонько потянул нитку и бесшумно выдернул из трубы пробку.

Увлеченные поисками пищи, обезьяны ничего не заметили. Тогда Алексей Кузьмич, взглянул на меня, продвинул поршень до отказа вперед и вытолкнул змею из трубы.

В следующий момент мартышки в панике бросились врассыпную.

— Стоп! Съемка окончена! Как у вас, Леонид Матвеевич?

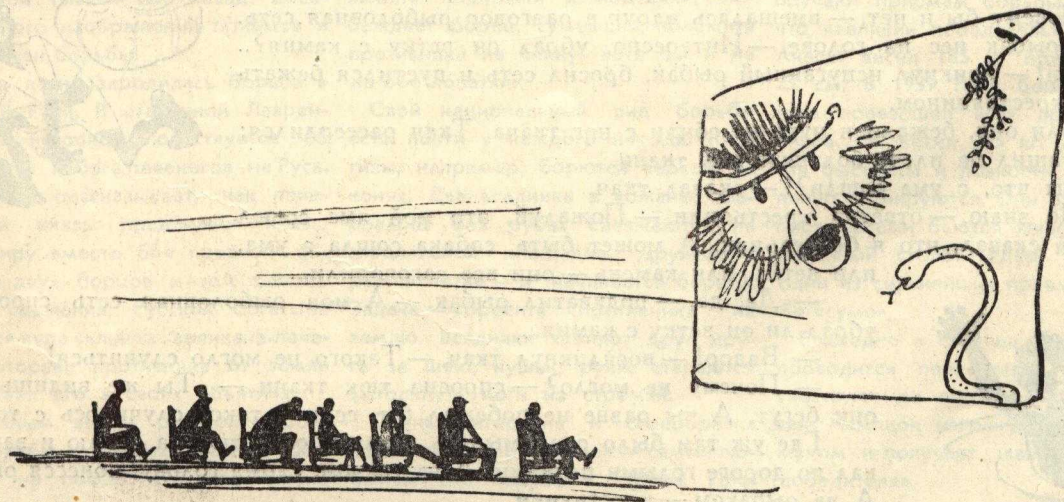
— У нас все в порядке. Все было прекрасно видно.

— Ура! — закричал Андрей. — Качать Алексея Кузьмича!

Алексей Кузьмич качать не дался, но был очень горд и доволен.

А мы радовались еще больше.

Рисунки Г. Ковенчука

ПРАВДА—НЕ ПРАВДА

Африканская сказка

То, о чем здесь рассказывается, случилось не теперь, а давным давно. Все началось с ямса. С того самого ямса, что растет в далекой жаркой Гвинее и вкусом похож на обыкновенную картошку.

Пришел на свое поле крестьянин, наклонился и вырвал продолговатый клубень ямса.

— Ну и мелочь! — воскликнул он. — Не больше веретена моей старухи.

— А чего же ты ждал? — сказал ямс. — Много ли ты за мной ухаживал, бездельник?

Крестьянин в растерянности обернулся. На краю поля пасся бык.

— Это ты называл меня бездельником? — спросил крестьянин быка.

Но бык жевал свою жвачку и даже не посмотрел на хозяина.

И тут вдруг заговорила собака, которая увязалась за крестьянином в поле.

— Оглох ты, что ли, не слышишь, это ямс сказал тебе, наконец, правду.

Крестьянин рассердился. Срезал ножом ветку пальмы и хотел отхлестать собаку. Но ветка закричала:

— За что ее бить? Брось меня сейчас же!

Крестьянин бросил ветку, будто она обожгла ему руки. Ветка упала на камень. И камень тут же принялся ворчать:

— Вечно от этого человека одни неприятности! Только я пригрелся на солнышке, как он прикрыл меня веткой. Говорю тебе: убери ветку!

Тут уж крестьянин совсем перепугался. Никогда такого не бывало: ямс бранится, собака заговорила, да еще ветка и камень голос подают. И он бросился бежать.

Бежал, бежал и чуть не налетел на рыбака, который шел по дороге.

— Что с тобой, сосед? — спросил рыбак.

Крестьянин задыхаясь ответил:

— Ямс назвал меня бездельником, мой собственный пес нагрубил мне, пальмовая ветка велела ее бросить, камень рассердился за то, что ветка упала на него...

— Не может этого быть, — сказал рыбак.

— Почему бы и нет, — вмешалась вдруг в разговор рыболовная сеть, которую рыбак нес на голове. — Интересно, убрал он ветку с камня?..

— Ой! — крикнул испуганный рыбак, бросил сеть и пустился бежать вместе с крестьянином.

Бежали они, бежали и чуть не сбили с ног ткача. Ткач рассердился: ведь он тащил на плече большой тюк ткани.

— Вы что, с ума сошли?! — сказал ткач.

— Не знаю, — ответил крестьянин. — Пожалуй, это мой ямс сошел с ума. Он сказал, что я бездельник. А может быть, собака сошла с ума,

или ветка, или камень — они все заговорили...

— Да, да, — подхватил рыбак. — А моя рыболовная сеть спросила, убрал ли он ветку с камня...

— Вздор! — воскликнул ткач. — Такого не могло случиться!

— Почему не могло? — спросил тюк ткани. — Ты же видишь, что они бегут. А ты разве не побежал бы, если б такое случилось с тобой?

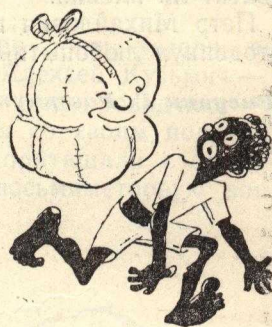
Где уж там было раздумывать. Ткач бросил тюк на землю и замелькал по дороге голыми пятками. А за ткачом, сломя голову, понесся рыбак.

А за рыбаком — крестьянин.

Так и прибежали в деревню.

А посреди деревни, у своего дома, сидел на кресле вождь.

— Эй, вы! — окликнул вождь бегущих. — Куда вы?

— Никуда! — ответили все трое.

— Так что же вы бежите? — спросил вождь.

— Ямс обозвал меня бездельником, — заговорил, стуча зубами, крестьянин, — а собака за него заступилась, а ветка сказала: брось меня, а камень сказал: убери ее...

— А рыболовная сеть еще насмехалась над нами, спрашивала: почему бы и нет, — добавил, трясясь от страха, рыбак.

— И мой тук ткани, которую я сам ткал и сам красил, тоже говорит, что одно для нас спасение — бежать! Ну, мы и бежали.

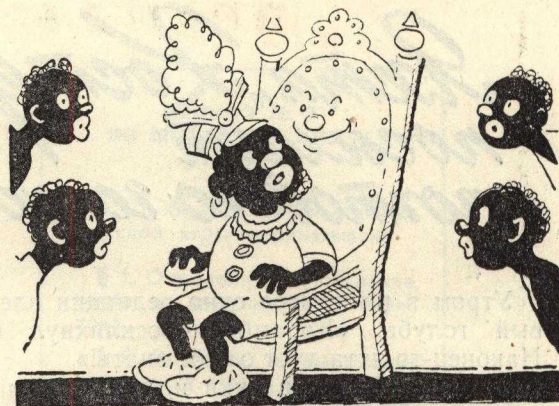
— Убирайтесь вон! — закричал вождь. — Унесите от меня скорее ваши вздорные головы вместе с вашими лживыми языками.

Бедняги припустились дальше.

А камышовое кресло, в котором сидел вождь, вдруг скрипнуло и сказало:

— Ха! Ямс заговорил! Куда уж ямсу, растущему в земле, говорить! Сказку они тебе рассказывают.

Вождь так и решил, что это сказка. С тех пор эту сказку и рассказывают, как сказку. А может, все правда? Почему бы и нет?

Рисунки Н. Зверева

Перевел с языка суахили В. Сидоренко

БОРЬБА У РАЗНЫХ НАРОДОВ

Борьба и бег — самые древние виды спорта. Люди еще не умели писать и читать, но уже проводили состязания по борьбе, знали много приемов. На каменных стенах знаменитой египетской гробницы из города Бени-Гассана, сооруженной четыре с половиной тысячи лет назад, высечено много изображений приемов и целых сцен борьбы.

Очень давно зародилась борьба в Древней Руси. В старинной Лаврентьевской летописи повествуется об очередном набеге печенегов на Русь. Летописец рассказывает, как печенежский князь предложил князю Владимиру вместо боя провести поединок двух борцов и тем решить участь сражения. Русский богатырь оказался куда сильнее великана-печенега: оторвал противника от земли и задушил его в своих объятиях.

Основным видом русской народной борьбы с давних времен была борьба на поясах. Правила ее не

сложны. Борцы, туго подпоясавшись крепкими кушаками, выходят на середину площадки. Взяв друг друга сбоку за пояса, по сигналу судьи соперники начинают борьбу. Во время схватки нельзя выпускать кушак из рук, запрещается также применять подножки и подсечки. Побеждает борец, сумевший положить противника на спину, хотя бы и не на обе лопатки.

Свой национальный вид борьбы есть почти у каждого народа. Киргизы, например, борются верхом на конях. Два всадника в кожаных шапках без рубах съезжаются на специальной площадке. Дружеское рукопожатие — и начинается борьба. Задача — сбросить противника на землю. Всадники хватают друг друга за шею, кушак, руки, стараются вытолкнуть ноги из стремян.

Очень интересна и своеобразна японская борьба «сумо» — самый любимый вид спорта в стране. Пра-

вила этой борьбы необычайно просты. Надо выбить, выбросить противника из круга. А это не так-то легко, ведь наиглавнейшим качеством борца японцы считают тяжелый вес. Новичков-борцов специально «откармливают» для веса и только потом обучают приемам борьбы. Известно, что «великий победитель» 1650 года Акаши весил 185 кг при росте 2 м 25 см. В 1939 году борец Девачатаке превзошел всех предшественников. Он весил 205 кг. Для развития быстроты и ловкости борцы усиленно тренируются. Они бегают, прыгают, часами бьются животом о деревянный столб. Удар животом — один из сильнейших приемов в борьбе «сумо».

Ежегодно в столице Японии Токио проводится первенство, в котором участвуют до полутора тысяч человек. Чемпион награждается золотым мечом и получает звание «великого победителя».

Ив. Пунчонок

Яхта «Застёра» посылает почтового голубя

Утром в раскрытое окно редакции влетел почтовый голубь. «Карамба! — воскликнул боцман. — Наконец-то яхта дает о себе знать!»

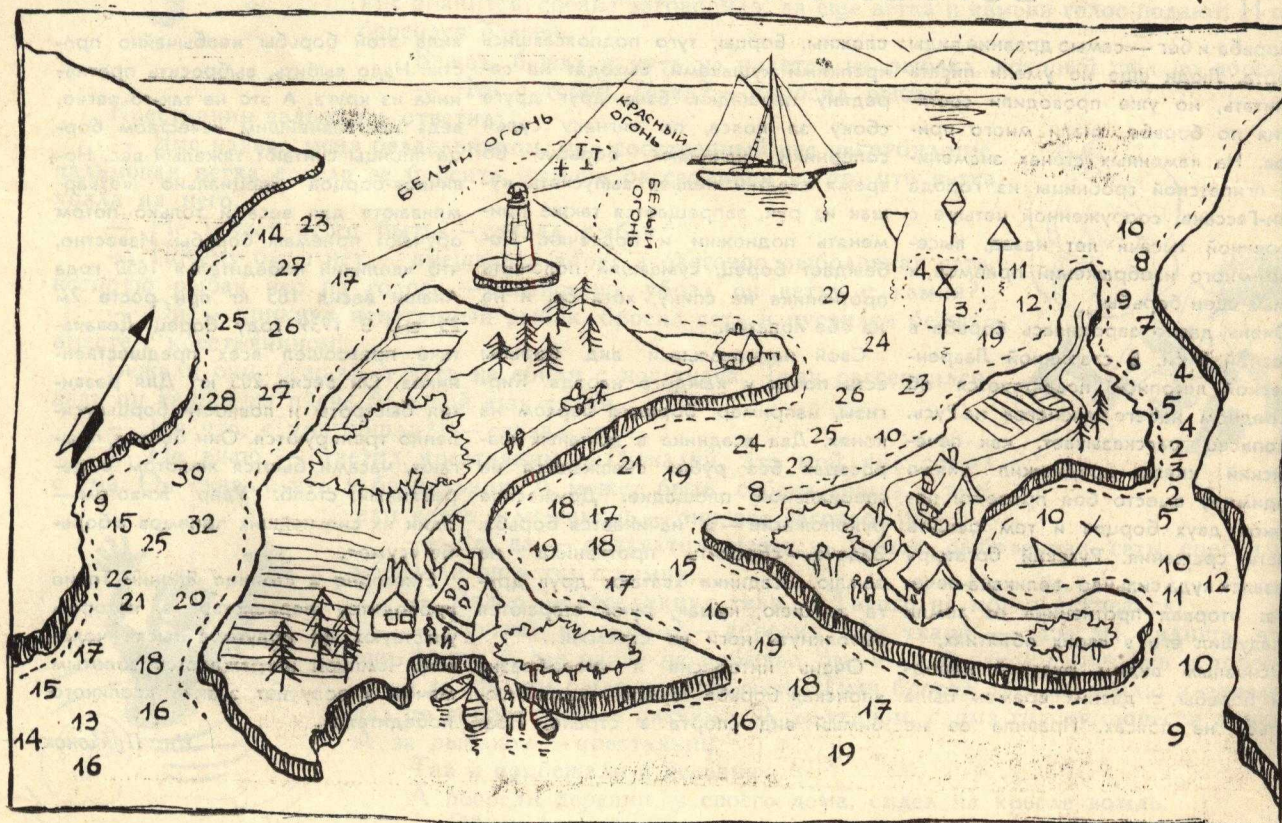
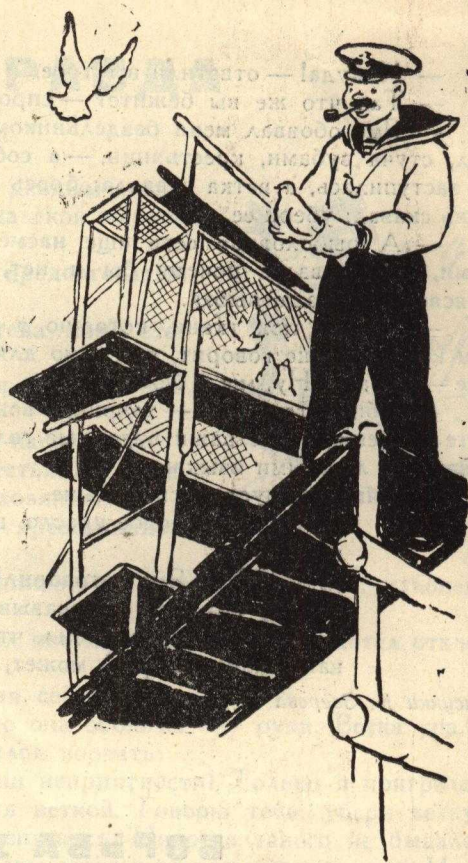
Он взял голубя в руки и, сняв с лапки кольцо, вытащил свернутые трубочкой листочки бумаги...

— Донесение капитана и какие-то рисунки, — сказал боцман. — Слушайте: читаю вслух!

...К вечеру 1 июля подошли к датским островам. Вахтенный Юра Семечкин растерялся и не знал, куда направить яхту. Пришлось убрать паруса и стать на якорь. Вася Чижиков попытался

изобразить наше положение на своем рисунке. А Юра определил направление ветра и обозначил его стрелкой на Васином рисунке...

— Стоп! — сказал боцман. — Юра, конеч-

но, забыл указать, какое это направление! Но читаем дальше...

...Мы снова продолжаем свой путь. Юра все-таки молодец: он сообразил, каким проливом лучше пойти...

...Ночью мы вдруг заметили впереди огни. На этот раз вахтенный не растерялся: сразу понял, что за судно идет. Расположение и цвет огней видны на втором рисунке...

На этом донесение обрывалось. Мы склонились над рисунками, а боцман немедленно стал диктовать машинистке приказ.

ПРИКАЗ № 2 ПО МОРСКОМУ КЛУБУ «КОСТРА»

Всем юнморам — участникам морской игры — приказываю:

§ 1. Определить направление ветра по рисунку Васи Чижикова.

§ 2. Выяснить, каким проливом пошла яхта и почему Юра выбрал именно этот пролив.

§ 3. Сказать, какими курсами и галсами относительно ветра шла яхта через пролив.

§ 4. Узнать, какие навигационные опасности изображены на рисунке и как они ограждены. (Осадка яхты 2,5 м)

§ 5. Определить по второму рисунку, как шло замеченное ночью судно. Какое это судно: парусное или паровое? Кто должен уступить дорогу?

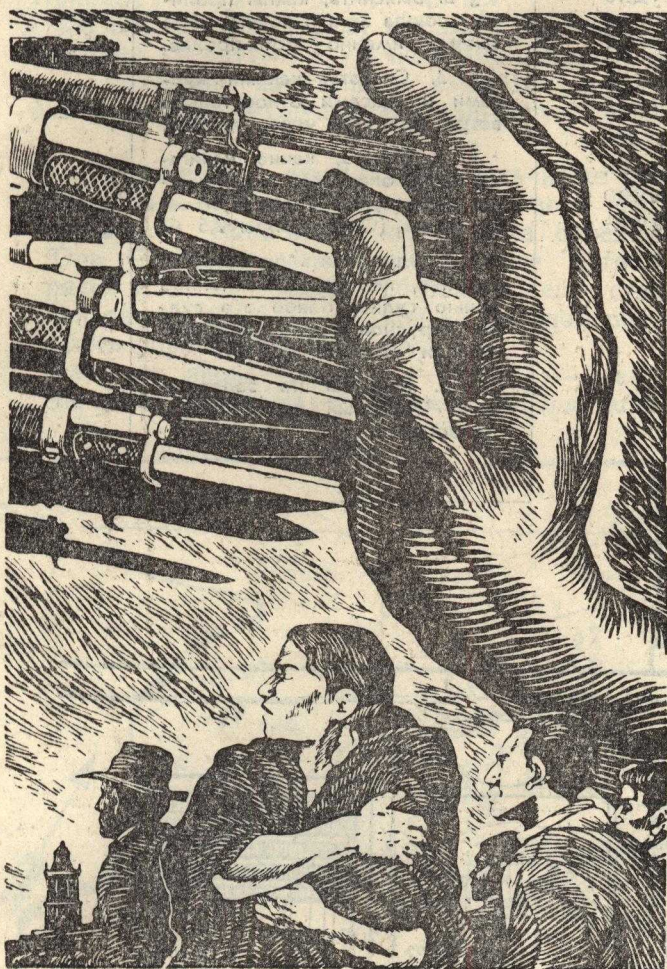
§ 6. Рапорты не задерживать. Обратный адрес писать разборчиво.

Боцман РУМПЕЛЬ

ИСКУССТВО МЕКСИКИ

Перед вами — глиняные фигурки, головы. Они очень древние, некоторым около двух тысяч лет. Мастера, создавшие их, не старались точно передать формы человеческого тела, а изображали главное — мысль, чувство, характерный жест. Скульпторы усиливали,

Альберт Бельтран В ЗАЩИТУ МИРА (фрагмент плаката).

преувеличивали, и из этого преувеличения рождалась самая большая правда искусства.

Все фотографии сделаны на выставке искусства Мексики, которая гостила в Советском Союзе — в Москве и Ленинграде.

Народ древней Мексики был талантлив, умен, наделен чувством юмора. Но дальнейшему его развитию

помешали захватчики-европейцы. Произведения искусства были расхищены и уничтожены. Понадобились столетия, чтобы искусство Мексики ожило вновь. Только благодаря простым людям — гончарам, вязальщикам, ткачам — сохранились драгоценные традиции мексиканского искусства.

Большой подъем искусства Мексики начался уже в нашем веке. Маяковский, побывавший в Мексике, писал, что идея современного мексиканского искусства есть «часть идеи борьбы и освобождения колониальных рабов».

На выставке были представлены полотна крупнейших новых художников Мексики — Диего Риверы, Давида Секейроса, Ороско. Многие в их живописи непривычно, но эта живопись ярко талантлива.

Маяковский, друг Диего Риверы, рассказывал, что это замечательный художник и мыслитель, один из основателей коммунистической партии Мексики, — отважный веселый человек, силач, великолепный стрелок. Но полотна Риверы суровы. Художник показывает трудную жизнь простых мексиканцев, голод, нищету, изнуряющий труд.

Ривера очень знаменит. Когда одна из богатейших компаний пригласила его расписать стены зала, за работой художника следили десятки репортеров. Каков же был их ужас, когда на стенах появились фигуры повстанцев, а в центре — фигура Ленина! Переполюх был неслыханный. Ривере угрожал суд. Но изменить что-либо художник наотрез отказался.

Конечно, не все работы мексиканских мастеров равноценны. Но самые лучшие говорят о тесной связи с народом и народным творчеством. Вот слова Диего Риверы: «Тем, что я создал за свою жизнь, я обязан моему народу. Сила, которую я приобрел в живописи, дана мне народом. Древнее искусство, которое служит мне источником творчества, также принадлежит народу. За мной большой долг, и я должен вернуть его моей стране!»

Народность — самая большая сила мексиканского искусства, перед которым большое будущее, новый расцвет.

Дм. Молдавский

Эти глиняные скульптуры сделаны в Мексике много веков назад

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОКТОРА

Сергей Давыдов

Рисунки В. Шевченко

В первый год работы на заводе дали мне старенький станок заграничной марки. Станок часто выходил из строя, и приходилось подолгу возиться с ним. Починишь его, работаешь и боишься, как бы он снова не стал. Очень он напоминал мне дряхлую лошаденку, которая едва переставляет ноги и которой давным-давно пора на покой. Но о хорошем станке я не мог тогда мечтать. Тяжелое было время, послевоенное...

Работаю я однажды, крутится мой старичок потихоньку, стружка по корыту, как горох, стучит. И вдруг к станку подходит слесарь. Подошел, приложил ухо к коробке скоростей, слушает. Я засмеялся: «Ты что, доктор, что ли, словно сердце выслушиваешь...» Слесарь поднял голову и говорит: «А кто же я? Конечно, доктор, только по станкам, железный, значит, доктор». Я не слушаю, все еще смеюсь: «Чем же он болен?» «Шестеренка, — отвечает, — стучит, и масла ты давно не заливал, всухую работаешь».

Я приложил ухо к теплой крышке, но, кроме громкого гуденья, ничего не услышал, и только через много лет научился я по звуку узнавать, здоров станок или болен.

Токарная работа разнообразная. Есть гигантские станки, их обслуживает целая бригада токарей. Точат они детали к турбинам, кораблям, прокатным станам. Есть станки малютки, их продукцию надо разглядывать через увеличительное стекло. Но я расскажу о токарях-ремонтниках, о железных докторах.

* * *

Токарное дело строгое. Как бы тебе попроще объяснить... Наверное, держал в руках подшипник? Обыкновенный, с шариками? Он состоит из наружного кольца — большого, шариков и, конечно же, из малого кольца. А в малом кольце... Ты так и хочешь сказать — «дырка». Хорошо, что металлисты не слышат, — ох, и посмеялись бы! В технике такого термина нет, нет дырок — есть отверстия. И в малом кольце нашего подшипника имеется отверстие.

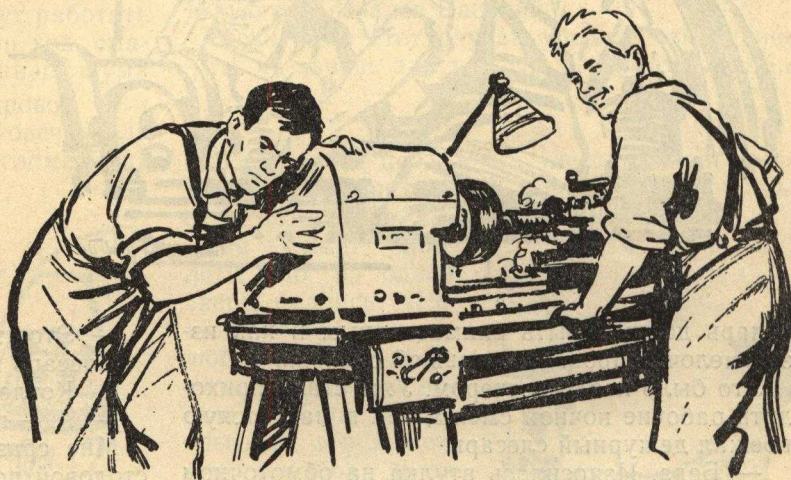
Что можно сделать дома с подшипником? Можно просто гонять его от безделья по асфальту, а можно посадить на ось самодельного

самоката и прекрасно кататься. На деревянной оси подшипник долго держаться не будет, разболтается. Нужна ось металлическая. Допустим, токарь на заводе точит ось. Диаметр отверстия нашего подшипника — двенадцать миллиметров. Металлисты не измеряют на сантиметры, при точной работе им нужны десятые и сотые доли миллиметра — «десятки», «сотки» — так говорят на заводе.

Наш подшипник должен плотно держаться на оси, но если выточить ось точно двенадцати миллиметров, то подшипник быстро съедет со своего места. Надо выточить ось потолще, «пополнее», как говорят металлисты. На сколько же толще?

В том-то и дело, что в технике и полмиллиметра — огромная цифра. На ось диаметром двенадцать с половиной миллиметров не насадишь наш подшипник. Можешь что есть силы забивать его молотком, но только расколешь малое кольцо.

А знаешь, какую ось надо выточить для нашего подшипника? Двенадцать целых и одну сотую долю миллиметра, вот тогда подшип-

ник будет крепко держаться. Одна сотая миллиметра... человеческий волос в десять раз толще. Одна сотая доля — и подшипник не подведет в дороге.

* * *

Теперь ты имеешь представление о точности нашей работы. Пойдем дальше. Перенесемся на несколько лет вперед.

...Ты уже окончил школу и поступил работать токарем в ремонтную бригаду.

У любого станка есть свой паспорт. Известно из паспорта, когда станок создан и когда ремонтировался последний раз. Приходит срок, и токари останавливают станок, разбирают его, тщательно осматривают каждую деталь. Износившиеся части заменяют новыми. Потом станок собирают, хорошенько смазывают — и лечение окончено. Такое лечение называется капитальным ремонтом, а есть еще и текущий ремонт.

Из цеха поступил сигнал: остановился станок, причина неизвестна. Сразу же на место происшествия прибывает «скорая помощь» — слесари с инструментом. Покопавшись в станке, они ставят диагноз: из-за плохой смазки износилась чугунная втулка, в которой вращается главный вал. Слесари выбивают втулку и приносят ее к слесарю, то есть к тебе.

Теперь только от тебя зависит, сколько простоят больной станок. Выточить чугунную втулку для опытного токаря дело не трудное. Но мне хочется рассказать тебе, насколько

токарь должен быть внимательным и как из-за «мелочи» простоял большой станок...

Это было поздно вечером. Уже стали приходить рабочие ночной смены, как в мастерскую вбежал дежурный слесарь.

— Беда. Износилась втулка на обмоточном станке.

Станок этот обматывает пряжей электрические провода. Сам понимаешь, какая это важная работа: он сразу двадцать четыре провода обматывает. И вот остановился.

Быстро выточил я втулку. Примерил ее на вал — вращается плавно, хорошо. Примерил в гнездо, где она должна стоять, — нормально, войдет от ударов молотка.

— Спасибо, — сказал слесарь, — теперь иди домой, а я поставлю втулку и тоже пойду.

Я ушел. А среди ночи меня разбудил теле-

фон. Звонил слесарь: «Иди скорее в цех, ничего с твоей втулкой не могу поделать».

Пришлось бежать на завод. Меня встретил слесарь — злой, усталый, на измазанном маслом лбу блестели капельки пота.

Втулка была установлена на место, но вал не хотел входить, как положено. И произошло это потому, что я не прибавил на посадку. Слесарь забил втулку, ее внутренний размер сжался и стал меньше вала.

Видишь, к чему может привести ошибка железного доктора, ошибка всего на одну—две десятые миллиметра...

* * *

— Ваня, — попросил токарь ученика, — пойди в кладовую, принеси мне звездочку.

Ваня пошел и принес... шестеренку.

— Я же просил звездочку...

Снова ушел Ваня и принес вместо звездочки диск.

Не подумайте, что Ваня несообразительный парень, просто на заводе столько всяких деталей, что сразу не запомнишь все названия. Но зато когда узнаешь, для чего служит каждая деталь, ни за что не спутаешь звездочку с шестеренкой, а тем более с диском. Ведь шестеренка сама сцепляется с другой шестеренкой, а звездочки — только цепью, как у велосипеда.

Помню, в нашу мастерскую слесарь принес что-то очень похожее на раструб духового инструмента, только из черного железа. Зажал в тиски и принялся стучать. Был я тогда неопытным токарем, подхожу и спрашиваю:

— Это что за штука?

Слесарь глянул на меня и ответил серьезно:

— Котлетоуловитель!

— А, — понимаю, протянул я.

Мне сразу представилось, что в заводской столовой повар-рационализатор, нажарив котлет, подводит к ним эту трубу, и пролетев сквозь нее, они попадают прямо в раздаточную к официантам.

Ну и фантазер...

А слесарь, окончив возиться, позвал меня:

— Пойдем, помоги поставить на место.

Каково же было мое удивление, когда он привел меня не в столовую, а в цех к вентилятору. Был бы я опытнее, сразу бы увидел, что он делает обычное ограждение для вентилятора, а не какой-то котлетоуловитель...

* * *

Малыш привязал веревку к пустой консервной банке и побежал по дороге. Он играл в трамвай. Банка подпрыгивала и гремела.

— Прекрати, — сказали ему, — голова болит от шума.

...В углу, где я работал, на одном участке из-за шума невозможно было разговаривать. Гремели сотни бешено вращающихся шестеренок. Работницы жаловались на головную боль, но что могли поделать врачи: от шума таблетки не помогают!

И тут на помощь пришли железные доктора.

Механик цеха принес к моему станку кусок удивительного материала. Сделанный из склеенных между собой слоев древесины, материал этот был похож на очень толстую фанеру. Я попробовал забить в него гвоздь — не тут-то было: гвоздь согнулся, не оставив даже вмятины. Механик пояснил, что материал этот — ДСП — древесно-слоистый пластик.

— Попробуй выточить из него шестерни, — сказал он.

Шестерни из дерева? Где это слыхано?

Я включил станок, вихрем взметнулась стружка, похожая на опилки. Готовые шестеренки механик снес на фрезерный участок, там нарезали зуб...

Вся бригада собралась на шумном участке. Всем хотелось посмотреть, как будут работать «деревяшки». Поставили их на один ход, смазали и пустили мотор. Взамен прежнего шума и грохота — легкое жужжание. Здорово!

Но надо было проверить, долговечны ли «деревяшки». Может, через неделю сломаются?

Оказалось, что в долговечности этот чудесный материал — ДСП — не уступает металлу. Тогда же мы изготовили шестеренки для всего участка...

* * *

В твоём классе есть, наверное, такие ученики. Учатся неплохо, но неаккуратно. Задачу решит быстро, но в тетрадь лучше не смотреть — заглянуть страшно! Вырастет такой человек и останется неряхой — вот уж плохо работать с ним на одном участке.

Встречаю я раз как-то своего знакомого. Он у нас на заводе работает, только в другом цехе. Встречаю и вижу, что у него рука забинтована.

— Что с рукой, Василий?

— Да вот, токарь удружил, — сердито усмехнулся Василий.

— Как же так? — спрашиваю.

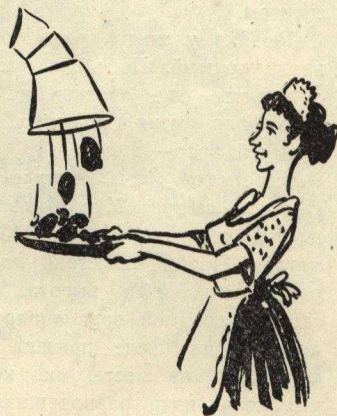
— Выточил гайку, а заусеницы не снял. Стал я ее заворачивать и почти до кости руку разрезал.

Передо мной лежат две только что выточенные детали. Если измерить их, то обе сделаны абсолютно одинаково. Но одна сверкает, снаружи и внутри сделаны фаски, так и хочется взять ее в руки, погладить. Другая вся в заусеницах, поверхность шершавая, драная, о такую и порезался Василий...

Меня один этот случай убедил, как важно быть на заводе аккуратным и внимательным...

* * *

В огромном цехе яркий электрический свет. Работают сотни станков, а в них тысячи и тысячи деталей, и каждая может заболеть. Но на одной двери надпись: «Ремонтная бригада». В любую минуту здесь готовы оказать помощь. Они очень опытные, эти железные доктора, и за это их любят и ценят на заводе.

МОЙ САМЫЙ БОЛЬШОЙ ВРАГ

*Мировой рекордсмен
Валерий Брумель
отвечает на вопросы анкеты
Пионерской книги „Костра“*

Этот враг появился недавно, — как только я стал всерьез заниматься спортом.

Повадки у моего врага коварные, нрав упрямый. Победишь его, а он становится еще опаснее и... выше. Ведь для меня, прыгуна, самый большой враг — высота.

Встретились мы впервые в пионерском лагере. Мне было двенадцать лет, а ему — всего 115 сантиметров. Потом мы стали почти неразлучными, я и высота. За несколько лет мой враг «подрос». Но даже когда после прыжка планка оставалась на месте, мне казалось, что молчаливая равнодушная высота посмеивается:

— Подумаешь, герой... Выше головы не прыгнешь.

Но я-то знал, что спортсмены прыгают выше своего роста, я старался вовсю. И наступил день, когда мой

враг вырос до 195 сантиметров. Теперь мы с ним были одинакового роста.

Прошло еще немного времени, и я прыгнул выше головы. А все не угнаться за врагом: чем чаще его побеждаешь, тем скорее он растет. И как будто поддразнивает:

— Ну-ка, попробуй еще разок! Кто кого?

Может быть, этот спор и надоел бы мне, если бы не одно обстоятельство. С высотой спорю не только я, покорить ее хотят многие. А там, где есть соревнование, всегда интересно.

Расскажу об одном случае, когда мне было особенно трудно.

Сейчас об этом случае напоминают только три золотых кружка. Медали как медали. А изображения на них непривычные. На одной выгравирована сандалия с крылышками, на другой загадочная надпись: «Рыцари Колумба», на третьей написано: «Чемпион США». Как же попали эти удивительные трофеи ко мне, московскому студенту?

Зимой нынешнего года вместе с другими советскими спортсменами я выступал в соревнованиях за океаном. Соревнования, конечно, проходили под крышей, в зале. И раньше приходилось мне прыгать в залах. Но в таком...

Величиной меня не удивишь. Зимний стадион в Ленинграде, манеж Московского университета и другие залы нашей страны не уступят нью-йоркскому «Медисон Сквер Гарден». Американский зал порастил меня не размерами, а невообразимым шумом. Зрители пустили в ход трещотки, свистки, трубы, стараясь перекрыть грохот и визг джаз-оркестра. Густые облака табачного дыма, как туман, застилали огни прожекторов. Я посмотрел на американских спортсменов. Они не обращали на этот гам никакого внимания. Видно, привыкли.

Арена в зале была небольшой. В душе я порадовался, что я прыгун, а не бегун. Ведь дорожка не только была очень короткой, но еще упиралась в стену, увешанную предохранительными матами. Я даже увидел, как один бегун чуть не

взбежал вверх по стене. Можно было бы увеличить дорожку, но тогда трибун было бы меньше, а значит, меньше и дохода у спортивных бизнесменов.

Непривычным для меня было и то, что арена в зале — деревянная. После наших гаревых дорожек досчатый настил казался жестковатым. А еще очень хотелось спать. Здесь, за океаном, был вечер, но в Москве давно уже наступила глубокая ночь.

Итак, мы начинаем атаку на нашего общего врага.

Вначале нас было одиннадцать. Но я видел только одного рослого темнокожего спортсмена в белой майке с изображением головы булдога и крупной надписью «Бостон». Это был знаменитый «бостонский кузнечик», мировой рекордсмен Джон Томас. Мы познакомились с ним еще в Риме, на олимпиаде. Все зарубежные специалисты прочили тогда Томасу золотую медаль. Но первым оказался не Томас, а советский прыгун Роберт Шавлакадзе. Вторым был я, «кузнечик» — третьим. Так было в Риме.

А сейчас... Сейчас мы начали прыгать с высоты в 2 метра. Почти такого же роста Томас. Высота побеждена и становится еще опаснее. 205, 210 сантиметров. Выбывают все наши соперники, мы остаемся вдвоем с Томасом, 216 сантиметров — рекорд римской олимпиады. И этот рекорд взят.

Джон все чаще измеряет разбег. Не отходит от сектора, когда прыгаю я. Видно, волнуется, не хочет проигрывать у себя дома.

218. Есть! Я сажусь на скамейку, спиной к сектору, и жду. Если зал взорвется оглушительным ревом, значит, Джон Томас тоже одолел врага, и наше соревнование продолжится.

Нет. Вздых разочарования проносится по залу. Значит, Томас не взял моей последней высоты. Победа.

А высота опять дразнит. 221 сантиметр. Я прыгаю, и высота сдаётся — видно, хочет стать еще опаснее.

Об этом трудном вечере и напоминает медаль с изображением кры-

латой сандали. «Крылатая нога» — так называется клуб, организовавший соревнование. Называется в честь мифического бога Гермеса — быстрого покровителя пастбищ, дорог, торговли, красноречия и гимнастики.

Еще дважды мы с Томасом штурмовали нашего врага — высоту. Опять гудящий зал «Медисон Сквер Гарден». Опять высоко впереди равнодушная планка, опять нервничает Джон. Еще бы! В семьдесят третий раз разыгрывается золотая медаль чемпиона США, и впервые она может достаться иностранцу. Так и случилось. «Кузнечик» застрял на высоте 213 сантиметров, я одолел 218.

Снова вспомнился Рим. Накануне решающей схватки американцы пригласили нас в гости, на тренировку. Один за другим, прямо в спортивных брюках и рубашках, они лихо перескакивали планку на двухметровой высоте. Смотрите, мол, и трепещите! И в самом деле, это выглядело очень эффектно. Но вместо испуга нами овладела спортивная злость. Запугиваете? Хорошо же! Полные решимости выиграть, мы вышли на последний бой — и выиграли.

«Рыцарями Колумба» называет себя другой ньюйоркский клуб. Он организовал наш последний совместный старт в США. В этот день моему другу и сопернику Томасу исполнилось двадцать лет. Я подарил ему альбом с видами Москвы и статуэтку, изображающую памятник Юрию Долгорукому, основателю нашей столицы. А другой подарок я сделал советским любителям спорта и себе самому — снова победил своего врага. На этот раз он достиг устрашающего роста — 222 сантиметра. Такая высота — мировой рекорд для закрытого помещения и повторение рекорда мира для открытых стадионов.

Вот о чем напоминают мне золотые диски медалей.

А мой самый большой враг так и остался моим врагом. Он не сдаётся, растёт и растёт. Мириться мы с ним не собираемся. Недавно он вырос до 225 сантиметров. Теперь хочу одолеть 230. Это мое самое большое желание.

Фото Б. Авласа

ЗАВТРА Я ТЕБЯ ПОЙМАЮ

Я. Длуголенский

Рисунок В. Голявкина

Стою я на улице. В руке свисток. Давно стою.

— Долго еще нарушать не будут? — спрашиваю.

— Не знаю, — отвечает милиционер. А сам тоже недовольный. Скучно, когда не нарушают. Я раньше думал, у милиционера потому лицо недовольное, что он сердитый, — а это, оказывается, оттого, что никто не нарушает.

Только я так подумал, — Петька бежит. И прямо через дорогу ко мне.

Я обрадовался. Про свисток забыл.

— Стой! — кричу. — Почему нарушаешь?

А он:

— Завтра цирк по телевизору!

— Врешь.

— Честное слово. Олег Попов выступает...

Тут я вспомнил, что нахожусь на посту. Сразу сделался строгим.

— Ты что, не мог сообщить как-нибудь иначе?

— Как же иначе, — говорит Петька, — когда ты посреди улицы ходишь?

Не успел я ответить, а милиционер уже тут.

— Что это вы, молодой человек, правила нарушаете?

— А я, — говорит Петька, — ради него нарушаю. — И на меня показывает.

Милиционер ко мне:

— Как же это, товарищ дежурный, ради вас правила нарушают?

Я отвечаю:

— Его никто не просил правила нарушать.

— Как же не просил, — говорит Петька, — когда просил. Сам говорил, как цирк будет, сразу скажи. Ведь просил?

— Ну, просил.

— Так просил или не просил? — спрашивает милиционер.

— Я просил его, — говорю. — Но не просил его...

— Ясно, — говорит милиционер. Достает из сумки блокнот, отвинчивает ручку, записывать хочет.

Не выдержал я:

— Это я виноват. Меня записывайте.

— За что же, — говорит милиционер, — тебя записывать? Ты свой долг выполнил. Нарушителя задержал. Очень правильно сделал.

Тогда я опять говорю:

— Завтра Петькина очередь дежурить. А запишете — его с дежурства снимут.

— Не снимут, — говорит милиционер. И Петькин адрес записывает.

В этот день мы с Петькой не разговаривали. Поругались.

— Я, — говорит Петька, — тебя завтра поймаю.

Назавтра выхожу из дома — Петька стоит. Со свистком. Увидел меня — так и затоптался на месте. Очень ему хочется меня записать. Высунул я ему язык. По переходу прошел. Стал на другой стороне улицы, смотрю на Петьку. Отвернулся от меня Петька.

Нет, думаю, надо мириться.

И — к Петьке. А Петька увидел, кричит:

— Стой! Почему нарушаешь?

Так радостно кричит, будто с днем рождения меня поздравляет.

Подходит наш милиционер. Здравается.

— Что, помогать пришел?

— Нет, — говорю, — запишите меня.

А он вдруг смеяться стал. Мы с Петькой переглянулись. А он смеется.

— Ох, чудак! — говорит. — Кто же дружбу так понимает?

Мы с Петькой опять переглянулись. Молчим.

А как ее еще понимать?

АРБУЗ

Борис Копальгин

Полосатое ядро,
Кумачевое нутро.
Хвостик, как у хрюшки,
В виде завитушки.
Я даю ему щелчок,
Поднимаю за крючок,
Наступило время —
Почернело семя.
Шаг пронес я свой арбуз

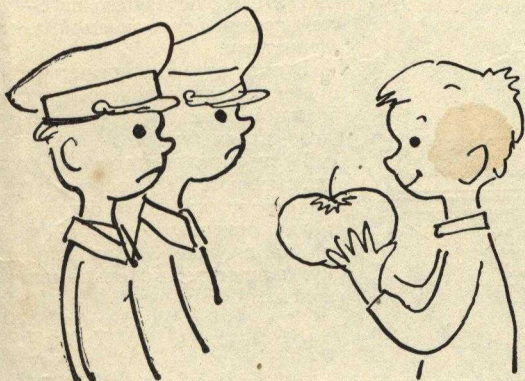
И устал:
Большущий груз!
Неужели брошу
Я в дороге ношу?
Что же делать?
Не хочу
Оставлять я так бахчу...
И придумал:
Покачу.

СКВОРЕЦ

Г. Шапнович

У меня живет скворец
В камышовой клетке.
Целый день сидит певец
На засохшей ветке.
Хочет бедный поразмять
Крылышки немножко.

Страшно мне его
пускать —
В доме злая кошка.
Неприятная соседка!
Я придумал наконец:
Посажу я кошку в
клетку, —
Пусть летает мой скворец!

ДЕЛЕЖКА

А. Крестинский

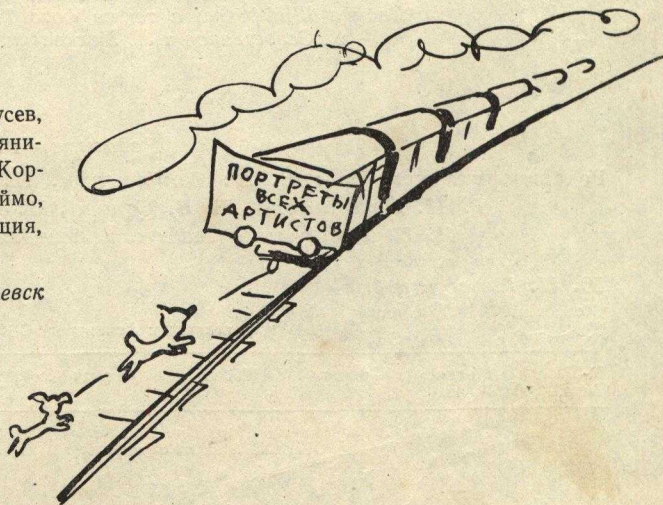
Мы делили огурец.
Мне — конец,
Илье — конец,
А тебе, Никояка,
Меж концами шелка.
А Николка был хитер,
Взял и вынес помидор.

Стали мы его просить:
— Дай, Николка, откусить!
Слышим: — Что за шутки!
Нет, ребята, лудки!
Вы — любители концов,
А концы — у огурцов...

НАМ ПИШУТ, А МЫ РИСУЕМ

«Нам нравятся артисты: Скобцева, Тихонов, Гусев, Рыбников, Арен, Давыдов, Юматов, Изотов, Землянкин, Табаков, Новиков, Румянцева, Корнилова, Корнеева, Фричинский, Завьялова, Лавров, Бернес, Жеймо, Райкин и Бутенина. Очень просим, дорогая редакция, вышлите их нам по две штуки каждого!»

Люба и Нина, Кемеровская область, г. Киселевск

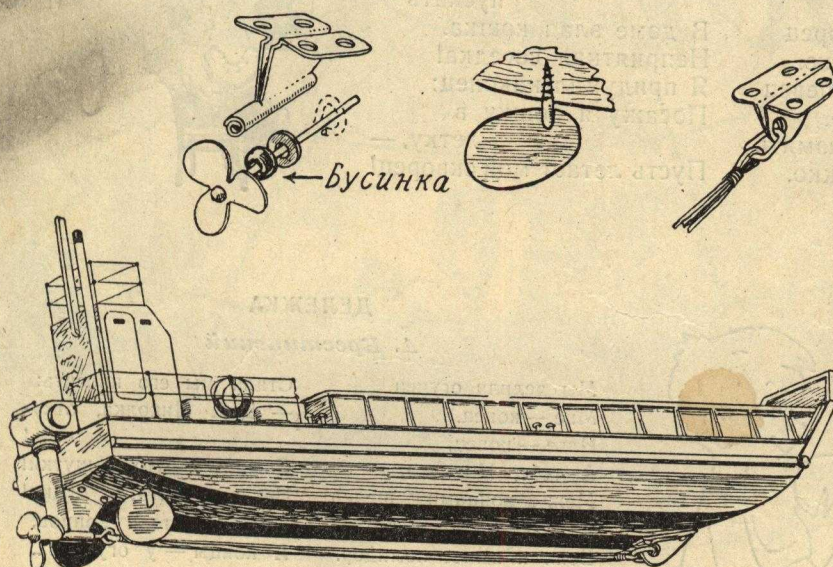
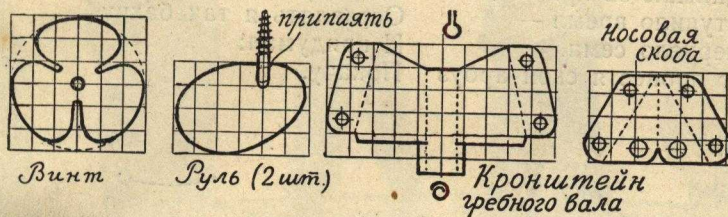
ЮНЫМ УМЕЛЬЦАМ

Вы помните их имена? Асхат Зиганшин, Федор Поплавский, Анатолий Крючковский, Иван Федотов...

Сорок девять дней отважные советские солдаты боролись с бушующим океаном. Когда кончились продукты, они резали сапоги и варили суп из кожи. Но, затерявшись в бескрайних просторах океана, четверка

храбрецов не потеряла самообладания. За мужество и стойкость Родина наградила их орденами «Красной Звезды».

Ребята, давайте построим модель знаменитой баржи Т-36, на которой совершили свой легендарный дрейф герои Тихого океана!

Основание корпуса сделайте из куска дерева. Борта и рубку — из тонкого картона, лучше всего электротехнического. Ограждение на корме и мостике рубки (так называемое леерное устройство) — из булавок и тонкой проволоки.

Для самоходной модели покупается двигатель. Устройство его закрепления и гребной винт (рис. 1). На расплавленный кусочек жести острым гвоздиком нанесите очертания гребного винта, кронштейна гребного вала и носовой скобы, заготовьте два руля.

Из стальной проволоки толщиной 1—1,5 мм сделайте гребной вал и припаяйте к нему гребной винт. Лопастей его надо «развернуть», придав им некоторый угол, так, чтобы они составляли как бы винтовую линию. Винт припавается к валу, другой конец вала загибается, образуя кольцо для резинового жгута-двигателя, состоящего из 6—8 нитей резины, применяемой авиамоделистами.

В носу при помощи четырех шурупов устанавливается скоба с кольцом, крепящим конец резинового жгута (рис. 2).

Рули припаваются к шурупу и ввертываются в корпус модели по одному с каждого борта. Установка двигателя и рулей показана на рисунке 3. Закончив сборку, покрасьте модель эмалевыми красками.

С. Лучиных

В очерке «Когда я покину школьный город...» использованы фото Н. Борисова, В. Гнатенко, С. Иванова, В. Комиссарова, Б. Ритова, Б. Уткина, Хайнца Шифферса, а также фото ТАСС и зарубежных агентств. Художники — К. Севостьянов и Л. Московский.

На 3-й стр. обложки рисунок Е. Войшвилло

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терехинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. Г. Любичкая

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-37314. Подписано к печати 9/VI 1961 г.
Тираж 240 000 экз.

Формат 84×198¹/₁₆.
Заказ № 2524.

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч. изд. л.
Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград. Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.